

LE MESSEAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Письмо А. И. Солженицына
IV-му Съезду Советских Писателей

ПАПСТВО - Л. А. Зандер

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 84

TRIMESTRIEL

II - 1967

LE MESSENGER

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, свящ. Петр Струве, Н. А. Струве.

Америка: Архиеп. Сильвестр Монреальский и вся Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская
Секретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.

91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Александр Исаевич Солженицын — И. В. Морозов	1
Письмо IV-му Всесоюзному Съезду Советских Писателей — А. И. Солженицын	5
Светлана Аллилуева — Б. Л. Пастернаку — И. В. Морозов	10
“Неведомому Богу” — проф. Н. С. Арсеньев	12
Папство (продолжение) — проф. Л. А. Зандер	18
Описание событий в Почаевской лавре в наши дни (из журнала “Феникс” 1966)	39

БИБЛИОГРАФИЯ

Sola Fide — только верою — Лев Шестов — проф. В. Н. Ильин 69

ХРОНИКА

Съезд Русского Студенческого Христианского Движения (13-14-15 мая 1967 г.) — М. Н.	74
Миссионерская поездка в Лион (29-I-1967 г.) — прот. А. Ребиндер .	78
Поездка миссионерской группы в Гренобль (18-19 марта 1967 г.) — свящ. И. Янкин	79

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый
счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 15 frs. Prix du numéro: 3 frs 75

Adresse de la Rédaction : Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН

А. И. Солженицын родился в 1918 г.*) в Кисловодске, детство и юность прожил в Ростове на Дону, где и получил среднее образование. В Московском университете окончил физико-математический факультет, а затем заочно Институт истории, философии и литературы. Кончая физико-математический факультет он знал, что этим обеспечит себе свое материальное существование, но с ранних лет считал, что его истинное призвание связано с литературным творчеством.

В 1941 г., во время последней Мировой Войны, А. И. Солженицын поступает сначала в кавалерию, но затем оканчивает офицерские курсы и определяется в артиллерию, в которой и провоевал всю войну. В восточной Пруссии он был награжден чином капитана. А. И. Солженицын сражался со своей батареей у Ленинграда, затем на Орловско-Курской дуге, пересек всю Белоруссию и Восточную Пруссию, где в январе 1945 г. был арестован и вначале направлен в Московскую тюрьму. Причиной ареста явились его письма к товарищу, в которых он высказывал свои убеждения, что в первых неудачах войны повинен Сталин, т. к. он был слабым теоретиком, а речи вождя вообще он считал мало культурными. Без суда и следствия Солженицын был приговорен к восьми годам лагерного заключения.

Вначале его послали на тяжкие работы по стройке, затем совершенно случайно поручили заниматься бухгалтерией в управлении лагеря. Там он провел четыре года, после чего был переведен в Караганду. Все заключенные здесь жили и работали не под своими именами, а под номерами, которые они носили либо на груди, либо на спине, или же на лбу. Солженицын здесь жил и работал под номером 232 и

*) Биографические сведения об А. И. Солженицыне почерпнуты из статьи М. Слонима "Новое Русское Слово" № 19.797, 21 мая 1967 г., составленные на основании интервью словацкого журналиста Павла Личко, состоявшегося в марте 1967 года в Рязани. Интервью напечатано в журнале № 13 "Культура и Жизнь", Братислава.

работал уже в качестве каменщика. Там-то и была задумана повесть об Иване Денисовиче.

Срок его заключения кончался в 1953 г. (в этот же год умер Сталин), но его задержали в ссылке до 1956 г., т. к. впоследствии выяснилось, что он был приговорен не к восьми годам, а к пожизненному, вечному заключению.

С 1953 г. по 1956 г. он отбывает ссылку на юго-западе Казахстана, в ауле Кок Терен, где им был написан рассказ «Матренин двор», в котором он описывал колхозную жизнь 1956 года, а не 1953 года, как говорил «Новый Мир» по чисто цензурным соображениям. Там же в лагере врачи обнаружили у него рак; они находили, что судьба его безнадежна, но он чудесно стал выздоравливать, как он сам говорил «переродился».

В 1957 г. Верховный суд пересмотрел его дело и судьям он, вместо защитительной речи, прочел свое произведение «Один день из жизни Ивана Денисовича». Таким образом, судьи оказались первыми читателями его знаменитого рассказа, который принес Солженицыну не только всероссийскую, но и мировую славу. Его реабилитировали. Ему разрешили вернуться в Рязань, о которой он всегда мечтал, т. к. считал, что только в этой области говорят на прекрасном русском языке.

Н. Губко, в своей статье «Человек побеждает», помещенной в журнале «Звезда» в 1963 г., разбирая рассказ Солженицына «Один день Ивана Денисовича» говорит, что, в повести нет специального нагнетания ужасов. Дело не столько в непереносимо тяжких условиях лагерного режима. Главное в том, что здесь делалось все, чтобы унижить, растоптать человеческую душу, что людей заставляли носить номера, что они должны были «колючую проволоку от себя самих натягивать, чтобы не убежать». «Речь идет, по словам Н. Губко, о ценности человеческой жизни. О следовании традициям гуманности «святой русской литературы», как называл ее когда-то Томас Манн, потому что, по его словам, такого глубокого гуманизма, которым была проникнута русская литература, «не было нигде и никогда в мире». Это глубокое внимание к нравственному миру людей в условиях самого невыносимого унижения, бесправия и насилия, умение именно *здесь* увидеть и полюбить *человека* и роднит по-

весть А. Солженицына с гуманистическими традициями Толстого и Достоевского. Пожалуй за последнее время у нас не было произведения, где с такой силой звучали боль за унижение человека и уважение к его духовной силе».

А. И. Солженицын ставит проблему: «о развращающей силе неконтролируемой власти». Но, «гений, пишет А. И.

А. И. Солженицын

Солженицын, не подделывает своего творчества под вкус тиранов» — услышал Иван денисович случайно кем-то обреченную фразу».

И таким бесстрашным, мужественным гением является А. И. Солженицын, который своим письмом к IV-му Всесоюзному Съезду Советских Писателей явил образ подлинного писателя, верного служителя истине посредством ху-

дожественного слова; свидетеля, готового за правду принять мученическую смерть. Это письмо ярко свидетельствует, что А. И. Солженицын глубоко верит, что человеческая жизнь не кончается земной жизнью и что подлинные служители вечной правде утверждают и вечное бытие самого человека.

Письмо А. И. Солженицына, написанное в год, когда октябрьская революция отмечает пятидесятилетнее свое существование, разоблачает чудовищное издевательство советской власти над писателями, которых лишают элементарной свободы, что и порождает притворство, рабство мысли и лживые творения. Поэтому письмо А. И. Солженицына вызывает у нас не только чувство благодарности, восхищения, но дает нам право сказать, что мы *счастливы*, что являемся современниками таких благородных, мужественных людей, про которых можно сказать, что они поистине своей жизнью, своим творением являют то, о чем говорил А. С. Пушкин в своем стихотворении:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал».

ПИСЬМО IV-му ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(вместо выступления)

В президиум Съезда и делегатам

Членам ССП

Редакциям литературных газет и журналов

Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить:

I. — то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз Писателей не может мириться впредь.

Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем «Главлита» тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных.

За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, — запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным.

Отличные рукописи молодых авторов, еще никому неизвестных имен, получают сегодня из редакции отказы лишь потому, что они «не пройдут». Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не уставали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо искажали их. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется в свет в искаженном виде.

А между тем, сами цензурные ярлыки («идеологически-вредный», «порочный» и т.д.) недолговечны, текучи, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (не полностью печатают и сейчас), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался «контрреволюционным» Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки)? Не был ли и Маяковский «анархистствующим политическим хулиганом»? Десятилетиями считались «антисоветскими» неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено «грубой политической ошибкой». Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратно стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежать когда-то «признать» и Замятина, и Ремизова. Тут есть разрешающий момент — смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или невскоре, его возвращают нам, сопровождая «объяснением ошибок». Давно ли имя Пастернака нельзя было и вслух произнести, но вот он умер — и книги его издаются, и стихи его цитируются даже на церемониях.

Воистину сбываются пушкинские слова!

Они любить умеют только мертвых!

Но позднее издание книг и «разрешение» имен не возмещает ни общественных, ни художественных потерь, которые несет наш народ от этих уродливых задержек, от угнетения художественного сознания. (В частности, были писатели 20-х годов — Пильняк, Платонов, Мандельштам, которые очень рано указывали и на зарождение культа и на особые свойства Сталина, — однако их уничтожили и заглушили вместо того, чтобы к ним прислушаться). Литература не может развиваться в категориях «пропустят - не пропустят», «об этом можно — об этом нельзя». Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь — косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырье.

Наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого века и в начале нынешнего, и тот блеск эксперимента, которым она отличалась в 20-е годы.

Всему миру литературная жизнь нашей страны представляется сегодня неизмеримо бедней, площе и ниже, чем она есть на самом деле, чем она проявила бы себя, если б ее не ограничивали, не замыкали. От этого проигрывает и наша страна в мировом общественном мнении, проигрывает и мировая литература: располагая она всеми нестесненными плодами нашей литературы, углубись она нашим духовным опытом — все мировое художественное развитие пошло бы иначе, чем оно идет, приобрело бы новую устойчивость, возшло бы даже на новую художественную ступень.

Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист.

II. — ..обязанности Союза по отношению к своим членам. Эти обязанности не сформулированы отчетливо в уставе ССП («защита авторских прав» и «меры по защите других прав писателей»), а между тем за треть столетия плачевно выявилось, что ни «других», ни даже авторских прав гонимых писателей Союз не защитил.

Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибун оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того, — личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не представил им для ответа и оправдания своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту, — но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение нашей поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него! Тем более руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чье преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Мандельштам, Артем Веселый, Пильняк, Бабель, Табидзе, Заболоцкий и другие). Этот перечень мы вынужденно обрываем словами «и другие»: мы узнали после ХХсъезда партии, что их было **более шестисот** — ни в чем не виноватых писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе. Однако свиток этот еще длинней, его закрутившийся конец не прочитывается и никогда не прочтется нашими глазами: в нем записаны имена и таких молодых прозаиков и поэтов, кого лишь случайно мы могли узнать из личных встреч, чьи

дарования погибли в лагерях нерасцветшими, чьи произведения не пошли дальше кабинетов госбезопасности времен Ягоды - Ежова - Берии - Абакумова.

Новоизбранному руководству Союза нет никакой исторической необходимости разделять с прежними руководствами ответственность за прошлое.

Я предлагаю четко сформулировать в пункте 22-м Устава ССП все те гарантии защиты, которые представляет Союз членам своим, подвергшимся клевете и несправедливым преследованиям — с тем, чтобы невозможным стало повторение беззаконий.

Если Съезд не пройдет равнодушно мимо сказанного, я прошу его обратить внимание на запреты и преследования, испытываемые лично мною:

1. Мой роман «В круге первом» (35 авт. листов) скоро два года, как отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его открытое редакционное продвижение. Напротив, еще при моей жизни, вопреки моей воле и даже без моего ведома этот роман «издан» противоестественным «закрытым» изданием для чтения в избранном неназываемом кругу. Мой роман стал доступен литературным чиновникам, от большинства же писателей его прячут. Добиться открытого обсуждения романа в писательских секциях, отвратить злоупотребления и плагиат я не в силах.

2. Вместе с романом у меня отобран мой литературный архив 20 — и 15-летней давности, вещи, не предназначавшиеся к печати. Теперь закрыто «изданы» и в том же кругу распространяются тенденциозные извлечения из этого архива. Пьеса «Пир победителей», написанная мною в стихах наизусть в лагере, когда я ходил под четырьмя номерами (когда, обреченные на смерть измором, мы были забыты обществом и вне лагерей **никто** не выступил против репрессий), — давно покинутая, эта пьеса приписывается мне теперь как самоновейшая моя работа.

3. Уже три года ведется против меня, всю войну провоевавшего командира батареи, награжденного боевыми орденами, безответственная клевета: что я отбывал срок якобы как уголовник, или сдался в плен (я никогда там не был), «изменил Родине», «служил у немцев». Так истолковываются 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина. Эта клевета ведется на закрытых инструктажах и собраниях людьми, занимающими официальные посты. Тщетно я пытался остановить клевету обра-

щением в Правление ССП РСФСР и в печать: Правление даже не откликнулось, ни одна газета не напечатала моего ответа клеветникам. Наоборот, клевета с трибун против меня в последний год усилилась, ожесточилась, использует искаженные материалы конфискованного моего архива — я же лишен возможности на нее ответить.

4. Моя повесть «Раковый корпус» (25 авт. листов), одобренная к печати (1-ая часть) секцией прозы московской писательской организации, не может быть издана ни отдельными главами (отвергнуты в пяти журналах), ни тем более целиком (отвергнута «Новым миром», «Звездой» и «Простором»).

5. Пьеса «Олень и шалашовка», принятая театром «Современник» в 1962 году, до сих пор не разрешена к постановке.

6. Киносценарий «Знают истину танки», пьеса «Свет, который в тебе», мелкие рассказы («Правая кисть», серия «крохотных») не могут найти себе ни постановщика, ни издателя.

7. Мои рассказы, печатавшиеся в журнале «Новый мир», не переизданы отдельной книгой ни разу, отвергаются всюду («Советский писатель», Гослитиздат, «Библиотека Огонька») и таким образом недоступны широкому читателю.

9. При этом мне запрещаются и всякие другие контакты с читателями: публичное чтение отрывков (в ноябре 1966 г. из таких уже договоренных 11 выступлений было в последний момент запрещено 9) или чтение по радио. Да просто дать рукопись «прочитать и переписать» у нас теперь под уголовным запретом (древнерусским писцам пять столетий назад это разрешалось).

Так моя работа окончательно заглушена, замкнута и обогнана.

При таком грубом нарушении моих авторских и «других» прав — возьмется или не возьмется IV Всесоюзный Съезд защитить меня? Мне кажется, этот выбор немаловажен и для литературного будущего кое-кого из делегатов.

Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполняю при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть. Но может быть многие уроки научат нас, наконец, не останавливать пера писателя при жизни?

Это еще ни разу не украсило нашей истории.

16 мая 1967 г.

Солженицын А. И.

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА — Б. Л. ПАСТЕРНАКУ

В настоящем номере мы печатаем историческое письмо А. И. Солженицына IV-му Всесоюзному Съезду Советских Писателей, написанное в Советской России, но одновременно появилась на Западе *), написанная уже на свободе, небольшая брошюрка дочери Сталина, в которой она подтверждает трагическое положение «России, загнанной в тупик, живущей невыносимой нашей советской жизнью, которую не могут себе представить ни русские друзья ни русские недруги из-заграницы, настолько она ни на что не похожа». Два страшных и необычайно сильных документа свидетельствующих о «Великой Трагедии» современной России.

Брошюра Светланы Аллилуевой была написана в результате ее чтения романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», который она впервые читает в 1967 г., в Италии. В России же роман Пастернака запрещен и читается только тайно.

«Одной из таких странных случайностей, пишет С. Аллилуева, происшедшей после моего бегства из Дели, явилась для меня встреча в Италии с Доктором Живаго»... «Это была совершенно неожиданная для меня встреча с Россией именно в тот момент, когда я ее оставила, и в сложившихся обстоятельствах все мои мысли были устремлены совсем в ином направлении. И эта встреча с русским словом небывалой силы была для меня как шок, как удар мощного электрического заряда».

В унисон А. И. Солженицыну она рисует позорное положение писателей и поэтов, существующее в сов. коммунистическом государстве: «...О, мученики русского слова, — ничего не изменилось со времен Радищева и декабристов... Попрежнему жандармам и полиции доверено быть первыми критиками художественного слова. Разве что только за остроту гротеска не судили ни Гоголя ни Щедрина в царской России, и безнаказанно издевались они над нелепостями русской жизни, а теперь — под суд за метафоры, за эпитеты, за гиперболы — в лагеря! Нет сил вынести все это».

А. И. Солженицын, живя в этих невыносимых условиях, громко и ясно заявляет о поправках правам художников слова (этим он историей будет причислен к великим и бесстрашным служителям Правды), а Светлана Аллилуева, оказавшись на свободе, не погрузилась в уютный и убаюкивающий «комфорт цивилизованного мира, а поняла, что ее пребывание на свободе дано ей

*) «Светлана Аллилуева — Б. Л. Пастернаку» Copex Establishment. New-York, 1967

Господом, «чтобы быть сильнее духом, чтобы бороться и жить, не опускать руки... Как все мудро, Господи, в Твоем мире, пишет она, ведь не для того Ты даешь мне эту новую жизнь, чтобы я безмятежно наслаждалась комфортом цивилизованного мира... Нет, Господи, ты даешь мне слова, каких я и не знала раньше. Ты велишь мне говорить правду людям, всем людям в мире, чтобы и друзья мои там, в России, очнулись от спячки, чтобы вздрогнули, как от выстрела и ощутили бы собственной кожей, как может наступить конец терпению человеческому».

Она понимает трагическую свою судьбу разрыва с родными детьми, которых она нежно любит «мы любим **своих детей**, потому что мы их родили». «Мне выпала такая доля, вас покинуть, изменить свою жизнь, не возвращаться назад к тому бесполезному прозябанию, которое продолжалось вот уже сорок лет... Мне выпала доля сделать, быть может, что-то хорошее для всех, и для вас тоже, мои дорогие».

«Пусть меня все осудят, и вы осудите если так вам будет лучше, (говорите, что угодно, это все одни пустые слова, они не ранят меня), только не выбрасывайте меня из ваших сердец...»

Явно, как Б. Л. Пастернак, так и А. И. Солженицын и Светлана Аллилуева с содроганием и глубокой горечью говорят, что Советская Россия стала царством «мертвой буквы», лишаящим человеческое слово правды. «Волки воют на твоих заснеженных равнинах, несущая и запустение попрежнему на твоих полях и нет конца власти фарисейства, власти мертвой буквы над живым делом». Хочется повторить со Светланой Аллилуевой: «Доколе будет, доколе же будет все это?»

« НЕВЕДОМОМУ БОГУ »

«Неведомому Богу» — так гласит, как известно, та афинская надпись, на которую ссылается апостол Павел в своей знаменитой речи в Ареопаге (в 17-ой главе книги «Деяний»).* «Неведомому Богу» — так можно озаглавить много проявлений духовной жизни и культурно-общественной деятельности человека, как в прошлые времена, так и в настоящее время. Посвящено чему-то (или Кому-то) Высшему, но неясно, кому, — вдохновлено чем-то Исконным и Высшим и Основоположным, но неясно, кто или что это. Или, вернее, не осознано, Что это или Кто это. А между тем, эта полу-сознательная посвященность, эта вдохновенность чем-то Другим и Высшим, но часто не дающая себе в этом отчета — играют в жизни человека, в жизни человеческого общества, в мире духовных ценностей основоположную и решающую роль. Можно всю лестницу ценностей построить, может быть, на этом принципе: большей или меньшей посвященности Святому, большей или меньшей вдохновенности Им. И что значит поэтому в этой школе, этой лестнице духовных ценностей наше «больше» или «меньше»? Лепта вдовицы весит больше, чем сокровища богатых вкладчиков: покаянный взор разбойника на кресте имеет большую действительность, чем многие, длинные молитвословия. Есть Кто-то, принимающий даже неясное, даже не вполне осознанное посвящение, и Кто-то, вдохновляющий его. От Него и к Нему. Он зовет, Он «стучит в двери сердца» и, хотя бы и неузнанный, возбуждает беспокойство, искание, порыв, отдавание себя или длительное, тихое посвящение себя и своего дела чему-то благодатному, согревающему сердце. Но это «что-то» есть «Кто-то». Владыка и жизни и сердца, и цель его устремлений.

*) Из комментариев к книге «Деяний Апостолов» мы узнаем, что ряд античных писателей упоминает об алтарях, посвященных «неведомым богам» (или «Неведомому Богу»): так, Павсаний (середина 2-го века по Р. Х.) говорит, что вдоль дороги из Фалеры в Афины были «алтари богов, называемых неведомыми» (I, 14). Он же сообщает, что в Олимпии, наряду с большим алтарем Зевса, были и другие алтари, в том числе «алтарь неведомым богам» (V. 148). Диоген Лаэртский (начало 3-го века по Р. Х.) пишет о безымянных алтарях в Афинах (I, 110). В «Жизни Аполлония Тианского» Филострат (тоже начала 3-го века по Р. Х.) пишет, что в Афинах воздвигаются «жертвенники неведомым богам» (VI. 35).

Любезная, сердечная помощь кому-нибудь на улице, ласковое объяснение дороги чужестранцу или иногороднему, слово искреннего внимания где бы и кем-то ни было сказанное, искреннее, хотя бы мимолетное, проявление сердечности и участия — сколько их, этих малых даров, этих малых приношений — куда? на алтарь Неведомому Богу! Как эти мелочи, встречающиеся на улице или в лавке у продавца или в мастерской у ремесленника — улыбка, искреннее внимание, участие, привет, получаемые от знакомых и порой от незнакомых, какие это ценности! Они вдохновлены невольным внутренним движением сердца. Через «брата», иногда прохожего продавца или заказчика встречного, просвечивает неожиданно и бессознательно а л т а р ь Н е в е д о м о м у Б о г у. И особенно, может быть, дорогая крупинка фимиама на этот алтарь — приветное внимание к ближнему или, во всяком случае, это — хотя бы часть такой крупинки. Чистое вдохновение художника, рождающее истинное творение Красоты, есть дар Неведомому Богу, дар от Него исходящий и к Нему возвращающийся. И это не должно быть теоретически осознано художником — он большей частью и не думает об этом, но это руководит всей его жизнью, проникает ее, как внутренняя захватывающая, покоряющая динамика. Это есть с л у ж е н и е, иногда тяжкое, истощающее, требующее величайшего напряжения сил, и вместе с тем, доставляющее творческую радость, радость творческого достижения, удовлетворения тем, что удалось осуществить, запечатлеть свой порыв.

Когда Пушкин (как передают нам свидетельства о его жизни в Бессарабии), этот неимоверно, до утрированности преданный не только телесной чистоте, но и некоторому физическому фатовству человек (вспомним например, его непомерно длинные холеные ногти), поднявшись утром с постели, вдруг ощущал порыв творчества, то он забывал обо всем, не думал о туалете и бросался животом на постель или на широкий подоконник своей комнаты и начинал писать, писать на мелких обрывках бумаги, грызя перо, покуда после часов писания не останавливался внутренний порыв, — то, независимо от качества написанного (а Кишеневский его период был, пожалуй, самым неудачным в смысле ценности и зрелости произведений в творчестве поэта), не имеем ли мы здесь ярко выраженного процесса внутреннего принуждения, з а х в а ч е н н о с т и стихией творчества?

А творчество Микель Анжело, когда он, неделями немытый и небритый, на подвешенных под потолком лесах, творил, не отрываясь, целыми днями свои несравненные фрески Сикстинской капеллы? И вообще его работа, кистью и особенно резцом, без отдыха почти, с краткими минутами перерыва для спешного вкушения приносимой ему еды, работал до самого вечера, чтобы, проспав лихорадочным сном несколько часов, с раннего утра опять браться за дело, и так днями, неделями, месяцами, почти без перерыва, пока задуманное творение не достигнет желанного конца. А сколько усилий и возни и напряжений стоила ему вся подготовка работы — выбор материала, иногда в самых Каррарских каменоломнях, забота о его нагрузке, о доставке к месту назначения, и т. д., и т. д... А трудности политической, придворной, профессиональной, материальной обстановки — интриги и подвохи соперников и завистников, неблагодарность и несправедливость меценатов, скупость и самодурство и двуличие, и бесовскость в эксплуатации его гения и более того — прямое надругательство над ним со стороны Папского окружения, а иногда и самих Пап, бедность, притеснение кредиторов, невозможность расплатиться с поставщиками и с сотрудниками (а он был необыкновенно внимателен к нуждам и правам своих сотрудников), ибо Курия ему не платила. И жил он впроголодь, почти как нищий, значительную часть своего римского пребывания, ибо не было времени заняться вопросами о своих насущных потребностях, и денег ему не платили, а если, наконец, платили, то с большим опозданием, нехотя, как милость, уступая его усиленным, патетическим в своем жизненном реализме заявлениям. И все это он брал н а с е б я . Почему? Он не мог иначе: он был одержим потребностью, жаром творчества в какой бы то ни было обстановке (хотя под конец и добился несколько лучшей обстановки и собственного сравнительно благоустроенного дома). И почему он это делал? Для семьи (т. е. для отца, братьев, племянников, их потомства). Для славы? Прежде всего д л я т в о р ч е с т в а . Он не мог иначе, он должен был творить, и отдавал себя этому творчеству. Это — его жертва на «алтарь искусства», т. е. на алтарь тому Неведомому Богу, Который требует служения Себе, в частности и через служение искусству, и Который не был неведомым для Микель Анжело в его религиозной вере, и здесь, в искусстве, вставал перед ним, как его п р и з в а н и е — творить и через творчество служить. Служить? Кому? Да Тому, Кому все и все должны служить, тому Высшему Творцу, Которо-

му жизнью и искусством своим призваны служить и творцы всего прекрасного и доброго на земле — творящие дарованной им от Него творческой силой.

Или вот — Достоевский. Днем он не может писать, его отвлекают. Он должен сосредоточиться. И вот, в одиннадцать часов, с несколькими заранее приготовленными стаканами крепкого кофе, он садится писать, когда все кругом стихло. И он пишет, пишет всю ночь — до 4-х, до 5-ти часов утра. Иногда в муках напрасных усилий формулировать, закрепить, охватить то, что ему предносится, иногда захваченный потоком вдохновенного, ровно и стремительно текущего творчества. Он потом изможден, спит до 12 часов, до часу дня. И эта жизнь — тоже каторга, хотя и добровольная, и вместе с тем отдание себя на алтарь творчества, на алтарь того Неведомого Бога, вдохновляющего и всякий жизненный порыв, который опять должен быть принесен Ему, того Неведомого Бога, Которого, впрочем, знал Достоевский, как раскрывшегося во Христе.

Достоевский понял, что высший закон этого Неведомого Бога (Который раскрылся Достоевскому в Своем истинном существе, как Тот, Который Сам отдал Себя в любви до самых глубин смерти), что высшее вдохновение, от Него исходящее, высший призыв Его, к нам обращенный, есть закон сострадания, Состраждающей Любви. «Сострадание — так пишет он в «Идиоте» — есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия человечества». Сострадание чужому страданию, жалость к людям и твари и сострадательная, себя забывающая помощь им, есть, может быть, (еще раз повторяю это) — высший дар на алтарь Бога Любви, Который Сам есть Жертвенная и Снисходящая Любовь, есть дар Ему, даже если Он воспринимается тем, кто приносит этот дар, как Неведомый Бог, или как внутреннее побуждение, как внутренний голос сердца, который зовет меня, будит и которому я подчиняюсь, отдавая душу свою на служение любви.

3

«Нет больше той любви, как если кто душу свою полагает за друзей своих». Эти слова из Евангелия от Иоанна являются не только основой новозаветной морали и всей духовной жизни евангельской, но и указанием на основной и решающий дар, который мы можем принести Тому, Которого многие чтут, как Неведомого Бога (говорящего, однако, их сердцу) и Который

раскрывается нам, как Божественная Любовь, или — скажем еще определеннее — как В о п л о т и в ш а я с я Б о ж е с т в е н н а я Л ю б о в ь. Поэтому, «что вы сделали одному из сих братьев Моих меньших, то Мне сделали» (Мат. 25, 40).

Путь к Нему есть п у т ь л ю б в и, отдавание себя в служении любви, и многие идут этим путем, не «зная» Его, но прислушиваясь как-то в сердце своем внутренним слухом, хотя бы и к невятно звучащему голосу Божественной Любви. Кто служит этой любви, служит Ему. «Мы знаем, что мы перешли от смерти к жизни, потому что любим братьев», говорит апостол Иоанн.

Сколько примеров такого беззаветного отдания своей жизни в сострадательном служении людям, в безмерной жалости к каждому страдающему человеку, независимо от того, симпатичен ли он или несимпатичен, интересен ли он или неинтересен — среди великих тружеников на поприще облегчения людских страданий, особенно, напр., среди тружеников медицины, или среди людей, отдавших свою жизнь помощи нуждающимся братьям. При этом сила и вдохновение этого служения могут еще безмерно увеличиваться, если они черпаются из сознательного общения с Источником Любви, из молитвенного обращения к Нему, из служения Ему, из з а х в а ч е н н о с т и Е г о л ю б о в ь ю. Но и когда нет этого сознания, это остается, хотя и не осознанное ясно, служением Ему, приношением Ему, приношением своего дара, на алтарь «Неведомому Богу». Так действовали, напр. многие и многие русские земские врачи в прежней, до-революционной, царской России: многие из них были в своем собственном представлении «неверующими», были позитивистами, иногда с лево-радикальным политическим уклоном, но их целью, их делом, которое захватывало их душу и проникало всю их жизнь, было служение вот этим индивидуальным страждущим, вот этим, которые близко, которые нуждаются во мне, которым я могу помочь, которые требуют от меня в своем молчаливом страдании и горе моей помощи. И эти «близкие» к нему по его долгу больные были, однако, по расстоянию совсем не близки: за многие десятки верст на тряской телеге по грязной, размытой дождем, неровной, иногда почти непроезжей дороге, среди непролазной подчас грязи или зимой, среди снежных заносов в метелицу, нужно было спешить, нестись, трястись к ним и при этом, несмотря на все старания, медленно и с неимоверным напряжением и утомлением. И они шли на это, эти земские врачи (или, по крайней мере, лучшие из них, и таких было много), и днем и

ночью: их будили ночью, и они сразу скакали и подскакивали на ходу в этих разболтанных телегах, иногда ночи напролет. И приезжали в смрад и нищету, к беспомощности, невежеству, анти-гигиеничности, заброшенности и страданию. И помогали сколько могли. И удавалось помогать, и помощь их была и медицинская и моральная: и вылечивали и облегчали страдания, и подбадривали перед смертью — добротой и теми медицинскими средствами, которые были с ними. Это было совершенно изумительное и очень, вместе с тем, беспритязательное, скромное, себя забывающее, — подлинное служение любви. Таков был, напр., на моей памяти праведный земский врач Новосильского уезда Тульской губернии д-р Черниховский, в конце 19-го и в начале 20-го века, «позитивист» и «почти святой», по мнению знавших его и его неутомимый подвиг любви соседних помещиков (некоторые из них — так, мои тети Надежда и Мария Васильевны Арсеньевы — были глубоко верующие, очень добрые, сострадательные и жертвенные люди). Сострадательные и смиренные христиане из его соседей чтили безмерное самоотдание в любви этого доктора. А чего может достигнуть это самоотдание любви, питающееся постоянным горячим общением молитвенным с Источником Любви, — об этом может служить свидетельством, напр., хотя бы жизнь и деятельность святого московского доктора, Федора Петровича Гааза (1780-1857), по рождению немца-католика из Рейнской области, прожившего более 50 лет в Москве, благодетеля всех заключенных в тюрьмах и ссылаемых в Сибирь, и вообще больных и бездомных.

Возвращаюсь к сказанному: много неосознанных или полусознанных даров, приносимых человеком, отдающим себя для Высшего — в трудах, в любви, в служении, в творчестве, в искании Истины — на алтарь неведомого ему Бога, и как эти дары могут еще больше вырасти, преобразиться, просиять еще большей силой самоотдания через сознательное и смиренное общение с Тем, Кто есть Источник Любви и Кто Сам принес Себя в жертву за нас, чтобы заполнить пропасть между нами и Богом. «Я открыл имя Твое человекам» (Иоанн., 17, 6). В отдающей Себя до конца любви Сына раскрылось нам существо Божие.

ПАПСТВО^{*)}

(продолжение)

Следующий папа, Бенедикт XV (кардинал делла Киеза = della Chiesa) был избран на папский престол в самом начале первой мировой войны, 3 сент. 1914 г. По своему прошлому, он был дипломатом, прошедшим долгую школу кардинала Рамполла, а, затем, работавшим под началом кардинала Мэрри дель Валь, Но время для дипломатических усилий было неблагоприятным. Вокруг бушевали война и национальные страсти; папство было скомпрометировано неуспешной политикой Пия X и подозрениями в симпатиях к центральным державам. 1-го августа 1917 г. Бенедикт XV, после дипломатической подготовки, проведенной кардиналом Пачелли (впоследствии папой Пием XII), обращается к воюющим державам с предложением быть посредником в заключении «справедливого и прочного» мира (эти слова, превратившиеся впоследствии в лозунг, принадлежат папе). Но посредничество его не находит отклика, его еще более обвиняют в желании спасти центральные державы и ему остается только область благотворительной деятельности (помощь раненым, военнопленным и т.п.).

Из церковных мероприятий Бенедикта XV следует отметить опубликование, в 1917 г. Кодекса канонического права; передачу деятельности конгрегации индекса запрещенных книг в ведение *Sanctum Officium*; издание энциклики *Spiritus Paraclitus* 1920 г. — о методах изучения и толкования св. Писания (об этой энциклике см. ниже). Опубликование кодекса, по видимости формальный акт, не вносящий ничего нового в церковную жизнь, имеет на самом деле, огромное принципиальное значение: «этот кодекс является величайшим творением юридической мудрости, государственного искусства и церковной политики Рима. Из необозримого множества папских постановлений выбрано все наиболее существенное, приведено в краткую и ясную форму и изложено в стройной системе. Как гладко обтесанные камни, примыкают друг к другу статьи кодекса, вздымаются все выше и выше и доводят до конца это совершеннейшее здание римской архитектуры. В своем спокойном величии, в своей лишенной всякого украшения простоте, в своей беспощадной жестокости и холодной безличности, этот свод законов легко преодолевает все возможные возражения и вынуждает безоговорочное признание. Посреди моря меняю-

*) См. «Вестник» Р.С.Х.Д. № 82, стр. 36.

щихся религиозных течений, он возвышается как железная башня, которая кажется неприкосновенной, неизменной, неразрушимой. Издание кодекса и его проведение в жизнь римской церкви является величайшим триумфом папства. Та централизация жизни церкви, к которой стремились средневековые папы и над осуществлением которой неизменно работала курия последних столетий, получила здесь законченное и санкционированное осуществление. Статьи кодекса канонического права являются отзвуком Ватиканских постановлений. Вселенская епископская власть римского первосвященника становится здесь юридической реальностью. Епархиальные архиереи, «*ordinarii loci*». — сводится на степень генеральных викариев папы, ибо их права сведены к минимуму. Самые незаметные и второстепенные вопросы церковного управления восходят на решение папских чиновников в Риме и курия (совет) епископа превращается в подготовительный орган римской курии, а епископ — в исполнительный орган римского центра.

Каноническое самоубийство отцов Ватиканского Собора принесло, при издании этого кодекса, свои созревшие плоды. Ни один епископ католической церкви не поднял своего голоса против папского абсолютизма, объявляемого вечным законом церкви. В конце XVII в. галликанское духовенство выступило против самоутверждающейся папской власти; через сто лет после этого, немецкие архиепископы попытались (в Эмской «пунктуации» отстоять исторические права епископов против куриально-папского самодержавия; и даже на Ватиканском Соборе влиятельное меньшинство оказывало энергичное сопротивление догматизированию папского абсолютизма. Но современный католический мир не только принял новый кодекс, но даже радостно его приветствовал. Это принятие кодекса является очевиднейшим доказательством полной победы идеи папства, ибо весь католический мир благоговейно склонился перед сводом законов наместника Петра. Так характеризует издание кодекса канонического права (C.J.C.) один из лучших знатоков католицизма **F. Heiler**.

С этой точки зрения, издание кодекса канонического права повторяет то парадоксальное положение, согласно которому папство утверждало абсолютность своей духовной власти именно в моменты своего наибольшего внешнего унижения (булла **Unam Sanctam**, 1302 г., непосредственно перед Авиньонским пленением; Ватиканский догмат перед потерей власти над Италией; издание кодекса перед Латеранскими договорами перед отказом папства от претензий на светскую власть).

Следующему папе, Пию XI, ученому кардиналу Ахиллу Ратти, избранному в 1922 г., пришлось встретиться с новым врагом в лице

вновь возникшего тоталитарного государства, — фашизма в Италии, национал-социализма в Германии, коммунизма, проникшего из России в разные страны мира. Борьба папства со всеми этими идеологиями представляет, главным образом, теоретический интерес, потому что религиозный и моральный факторы, в границах коих только и действовал Пий XI, имели лишь второстепенное значение в дикой и жестокой борьбе нашего времени. Поэтому, голос папства, — мудрый, энергичный и мужественный, — не «звучал», и энциклики: *Casti connubii* 1930 г., защищая чистоту брака, *Quadragesimo anno* - 1931 г., устанавливающая справедливые социальные отношения, *Nun abbiamo bisogno* - 1931 г., против фашизма и *Mit brennender Sorge* - 1931 г., против национал-социализма, остались известны только замкнутому кругу католических мыслителей и деятелей. Борьба, однако, началась не сразу. Первые шаги фашизма в Италии казались даже благоприятными в отношении позиций Ватикана. Начала авторитета, порядка, социальной иерархии, стремление к прекращению классовой борьбы путем установления корпоративного строя общества, борьба с коммунизмом и, наконец, запрещение сект и масонства, — все это, — вполне соответствовало идеологии католической церкви. Вследствие этого первые годы существования фашистского правительства ознаменованы миром между Ватиканом и Квириналом. Переговоры, начатые в 1926 г. правительством Муссолини и статс-секретарем, кардиналом Гаспари, приводят к Латеранским договорам 1929 г. (см. выше). Государство, во многом, идет навстречу церкви, церковь благословляет государство. Трудности начинаются, когда фашизм обнаруживает свой тоталитарный характер, ограничивает деятельность «католической акции» (*Actiu catholica*), в рядах которой нашли себе место враждебные фашистской партии лица) и, в особенности, объявляет прерогативой государства воспитание детей и юношества (организации: авангардисты и балилла). Пий XI протестует против всех этих мер, отстаивая права церкви, семьи и свободу человеческой личности. Он борется с распространением теории национал-социализма и, в частности, с вводимым в Италии антисемитизмом («Христиане не могут быть анти-сеμίтами, провозгласил папа в 1938 г., духовно мы все семиты»). Когда, в 1938 г. в Риме ожидался Хитлер, папа покинул Рим для того «чтобы не присутствовать при апофеозе, приготовленном тому кресту, который враждебен кресту Христову» (свастике). Однако, несмотря на нецелесообразность всех этих заявлений, до открытого конфликта дело не дошло. В странах католического большинства, — Португалии, Испании, Австрии и, даже, Франции, — тоталитарные правительства всегда считались с Ватиканом и старались не доводить борьбы до открытого конфликта. Иное дело в Германии. Здесь с самого возникно-

вения национал-социализма, обнаружилась категорическая несовместимость обеих систем. И, хотя в 1933 г. Пий XI, «после долгой борьбы с самим собою», согласился на конкордат, предложенный ему Хитлером через своего католического министра, фон Папена, сделал он это скорее в качестве доказательства своего долготерпения, чем в надежде подлинного соглашения и мирного сотрудничества. «Когда дело идет о спасении душ, мы чувствуем в себе мужество договариваться даже с дьяволом», говорил он еще в 1929 г. Уже в 1935 г., он говорил о стремлении правительства «дехристианизировать Германию» и привести ее к состоянию языческого варварства, а в 1937 г., в своем Рождественском послании, заявил: «в Германии свирепствует настоящее гонение, равное которому трудно найти; грубость, насилие, угрозы, обман, — все поставлено на службу борьбы с церковью».

Смерть папы и вторая мировая война сделали невозможным продолжение этой борьбы, которая, для Ватикана, осложнялась тем обстоятельством, что более чем 20 миллионов католиков находились в полной власти враждебных национал-социалистических сил.

Борьба с большевизмом носила, скорее, теоретический характер и приобретала практическую остроту только там, где большевизм проникал в страны с католическим населением.

В 1922 г. папа Пий XI сделал попытку объединить правительства Европы для борьбы с общим врагом — большевизмом. Но попытка эта успеха не имела. В 1930 г. папа вторично осудил систему коммунизма, в особенности за господствующее в ней духовное рабство и отрицание свободы совести, но и этот голос в мировом оркестре не прозвучал. Наконец, в 1937 г., он издал свою «социальную» энциклику *Divini Redemptoris*, в которой развивались идеи предшествующие энциклике *Quadragesimo anno* и осуждалась социальная система коммунизма.

В дальнейшем, папе Пию XI пришлось встретиться с ramifications коммунизма в Мексике (в 1926 г. папа сетует на гонение «ниспровергающее все, что носит имя Божие и имеет отношение к культу»; но смягчение положения позволяет ему послать туда своего апостольского делегата) и в Испании (в 1931 г. папа выражает свое беспокойство по поводу антиклерикальных мер республиканского правительства; в 1933 — протестует против бесправного положения церкви; в 1936 — дает свое благословение «тем, кто защищает право и честь, Бога и религию против неистовства сил столь диких и жестоких, что, невольно, спрашиваешь себя, как они могут существовать»). В 1938 г. Ватикан возобновляет дипломатические отношения с правительством генерала Франко, которого, в следующем году, папа Пий XII поздравляет

с победой. Кровавое преследование католиков в Венгрии тоже падает на время правления Пия XII.

Из внутренних мер понтификата Пия XI следует отметить чрезвычайное развитие миссионерской деятельности. Это касается как внутренней, так и внешней миссии. В области первой — огромное значение получила организация «Католической Акции», которая имела своей целью объединить и непосредственно связать с церковной иерархией разнообразные, уже существующие союзы, братства и другие религиозные организации мирян. Различие между этим прежним «Католическим Движением» и вновь организованной «Католической Акцией» заключается в том, что первое, хотя и пользовалось благословением и одобрением церкви, не было непосредственно связано с иерархией, тогда как «Католическая Акция» является формой «апостолата мирян», официально призванных «к сотрудничеству с апостолатом иерархии». Таким образом, если, практически, «Католическая Акция» явилась мерой централизации и унификации всех деятельности мирян, то, теоретически, она была первой попыткой церковно-канонического оформления начала «всеобщего священства», допущения мирян к чисто-церковной, «в некотором смысле, пастырской» работе*). Эта, если можно так выразиться, демократизация церковной работы отнюдь не должна быть понимаема как ослабление церковного контроля и авторитарного режима Рима. Абсолютность папской власти, проникающей во все капилляры церковной жизни, остается незыблемой. Это, с особой ясностью, было высказано в энциклике *Mortalium animus*, 1928 г., которая, в необычайно резкой и нетерпимой форме, осудила начавшееся в 1925 г. экуменическое движение, запретив католикам принимать в нем какое бы то ни было участие (впоследствии это запрещение, под влиянием различных обстоятельств, было значительно смягчено).

Другой стороной католической миссии явилось чрезвычайное развитие униатской работы. «Дехристианизация» России вселила в сознание многих католиков убеждение, что Россия превратилась в «поле миссии в религиозный no-mans land,» одаренное население коего может быть, со временем, обращено в католичество. Для выполнения этой задачи, католическая церковь стала готовить кадры будущих миссионеров. В 1923 г. в Риме был учрежден Pontificio Instituto Orientale с пастырской школой Russicum. В 1924 г., польскими иезуитами была организована униатская семинария в Дубно. В 1926 г., в Америке, создано Общество св. Иоанна Златоуста и Eastern Church Guild. В 1932 г., в Мюнхене, основана Коллегия св. Андрея. В 1933 г., в Италии, органи-

*) Из письма папы Пия XI к кардиналу Сегура от 6/XI, 1924 г.

зовано — *Associazione Cattolica Italiana pro Oriente christiano* (мы перечисляем только важнейшие из этих организаций).

Интересно при этом отметить то парадоксальное обстоятельство, что все эти меры, воспринимаемые православными как враждебные, многими католиками считаются выражением любви и доброжелательства по отношению к Восточной Церкви. И верность православных своей исконной Церкви истолковывается, едва ли, как неблагодарность в отношении Рима, приносящего столь большие жертвы для присоединения «схизматических» братьев... Справедливость требует отметить, что не все католики разделяют близорукий оптимизм вождей униатства и что некоторые католические центры, изучающие православие, делают это без каких бы то ни было посягательств на прозелитизм.

В области внешней миссии, главное усилие папы Пия XI было обращено на разработку более совершенных методов. Новые условия жизни и современная наука ставили перед миссией новые задачи и открывали перед ней новые возможности. Была создана новая наука, «миссиология». Тщательное психологическое и социологическое изучение полей миссии сделалось обязательной предпосылкой миссионерской работы. Благовестие христианства все более более различалось от западной цивилизации и стремилось приблизиться к культурам тех, к кому миссионеры несли католическую веру. Все эти сложные процессы протекали при непосредственном участии просвещенного и ученого Пия XI, который, благодаря этому, снискал себе наименование «папы миссий».

Избрание на папский престол кардинала Евгения Пачелли, который имел за собой длительную дипломатическую карьеру (с 1917 г. нунций в Мюнхене, с 1930 г. — статс-секретарь Ватикана), позволяло думать, что новый понтификат будет носить политический и дипломатический характер, подобно понтификату Льва XIII. На самом деле оказалось обратное. Правление Пия XII ознаменовалось целым рядом доктринальных определений и внутри-церковных мер, при весьма умеренном стремлении папы участвовать в вопросах мировой политики. Причинами этого, вероятно, являются, как личное благочестие папы, так и его политический опыт, который показал ему, что, при настоящем положении вещей, попытки воздействовать на политический и экономический строй дехристианизированного мира заранее обречены на неудачу. Эти мотивы звучат в его первой энциклике *Summi pontificatus*, 1939 г., в которой папа констатирует всеобщее нравственное разложение и указывает на необходимость нового религиозно-нравственного воспитания человечества, которое может быть осуществлено только с верой во Христа и при помощи Церкви. Развившаяся, непосредственно после его избрания, война, с одной

стороны, сделала невозможной какую бы то ни было политическую работу, но, с другой стороны, она поставила перед Ватиканом ряд конкретных задач, которые ему удалось выполнить. Среди военной бури, град Ватикан оставался нейтральным островком, в котором пребывал не только сверх-национальный глава всех католиков, но жили и дипломатические представители воюющих держав. Это международное значение Ватикана получило, между прочим, свое признание и в том обстоятельстве, что президент Соед. Штатов, Рузвельт, имел в Ватикане своего личного представителя, который действовал от его (а потом и президента Трумана) имени, с 1939 по 1950 г. (Соед. Штаты, как государство с протестантским большинством, не имеют своего посла в Ватикане и отказываются принять у себя нунция). Положения арбитра в международных делах папа, однако, не получил. Ибо преследования католиков в государствах коммунистического блока заставило его занять в отношении правительств этих государств, враждебную позицию (после краткого периода попыток найти с ними какой-то *modus vivendi*) и он, естественно, оказался на стороне западного блока.

Из других дипломатических мер папы Пия XII отметим его призыв к организации справедливого мира (в 1944 г.) и установление дипломатических отношений с Китаем, Финляндией, Голландией и Японией. Сюда же относится и фактическая реформа коллегии кардиналов. В 1946 г. папа ввел в ее состав 39 новых кардиналов, из которых только 4 были итальянцами, а 14 — неевропейцами. Это побудило некоторых историков говорить об «интернационализации» коллегии кардиналов, что, в свою очередь, ставит вопрос относительно традиции выбирать на папский престол обязательно итальянца (последним не итальянцем был голландец Адриан VI, правивший с 1521 по 1523 г.

Гораздо более значительными являются мероприятия папы Пия XII в области вероучения. Ревностный почитатель Божией Матери, он провозгласил в 1950 г. (энцикликой *Munificentissimus Deus*) догмат о «телесном вознесении Божией Матери» (торжественное провозглашение этого догмата было первым случаем применения Ватиканского постановления о непогрешимости папских постановлений, сделанных *ex cathedra*). Провозглашение этого догмата (не внесшего в католическое вероучение ничего нового, ибо успение Божией Матери всегда понималось и праздновалось католической церковью не как успение (*Dormitio*), а как вознесение (*Assumptio*) многими католическими богословами было воспринято как не вызванное потребностями церкви и, следовательно, ненужное. В протестантском мире оно вызвало большое раздражение и яростную критику (ибо было понято как

вызов, брошенный всем экуменическим усилиям к сближению и взаимопониманию); православные отозвались умеренной, но серьезной критикой не столько самого догмата, сколько его богословских предпосылок (непорочного зачатия) и логических следствий. Для правильной оценки (не самого догмата, а факта его провозглашения), надо поставить его в связь с другими мариологическими постановлениями Пия XII, тогда он получает свое объяснение в личном благочестии папы, который, в 1942 г., посвятил весь мир сердцу Божией Матери, а, в 1953 г., установил первый «год Марии» (с 8/12 1953 по 8/12 1954 г.), соединив его с многочисленными индульгенциями и с празднованием царства Божией Матери, как высшей точки этого священного года.

Иной характер носят три вероучительные энциклики Пия XII, которые, под видом авторитетного изложения положительных начал веры и благочестия, на самом деле, имеют явную цель остановить развитие свободной богословской мысли и литургического творчества. Первая из них, *Mistici corporis* (1943 г.), содержит в себе целую экклезиологию, которая должна быть окончательным и обязательным ответом на все вопросы, возникающие в связи с новейшим развитием учения о церкви. Может быть, она мыслилась и как ответ Рима на все экклезиологические вопрошания экуменизма (самая возможность коего содержанием энциклики радикально отрицалась). Принимая определение церкви как мистического тела Христова, энциклика придает этому учению черты типично римского интеллектуализма и юридикзма и разрабатывает его во всех деталях, обвиняя другие экклезиологические теории в рационализме, ложном мистицизме, квиетизме и т. п. грехах. Мистическое тело Христово полностью отождествляется с римско-католической церковью; оно едино, неделимо, видимо и строго организовано; оно основано на любви и подчинении; схизматики, еретики, отлученные из него исключаются... Католический мир ждал появления этой энциклики с большим волнением, но, вряд-ли, был удовлетворен ее богословием, носящим формально-схоластический характер и пресекающим всякую возможность дальнейшей богословской работы, если не считать за таковую изучения, комментирования и восхваление самой энциклики.

Не менее тяжелой явилась энциклика *Mediator Dei*, — 1947. Она была направлена против литургического движения, которое поставило себе целью вернуть евхаристии то центральное положение в богослужебной жизни, которое она имела изначала и боролось с индивидуализацией и механизацией, охвативших всю молитвенную жизнь церкви в течении последних веков (одновременное совершение индивидуальных месс на нескольких алтарях того же храма; причащение верующих до или после литургии;

затемнение значения литургии различными частными культами и т.п.). Не отрицая значения литургического движения в целом, энциклика объявила его основные идеи односторонними и вредными увлечениями и брала под защиту все те установившиеся формы индивидуального благочестия, которые, руководителями литургического движения, считались разложением подлинной церковности.

Еще более жестокой оказалась третья энциклика *Humani generis*, 1950 г. Она содержит в себе властное и грозное предостережение тем католическим богословам, которые пытались преодолеть схоластически-аристотелевские рамки официального богословского мышления, частью обращаясь к до-схоластическому (главным образом, восточному святоотеческому) богословию, частью пытаясь выразить истины веры на языке современной мысли. Энциклика перечисляет ряд подобных «ошибок» и требует от ученых, чтобы они богословствовали и философствовали исключительно в традиционных формах, предписанных церковной иерархией, ибо ей, а не ученым богословам, принадлежит право хранения и провозглашения истины.

Властное руководство мыслью не ограничилось изданием энциклик. Ряд мер, принятых Ватиканом в пятидесятых годах, позволяет говорить о настоящем гонении, жертвой которого явился французский католицизм, наиболее сильный, смелый и горячий, как в области богословской мысли, так и практической церковной жизни (сами французские католики признают существование у себя «идущего вперед крыла» (*l'aile marchante*), в отличие от традиционалистов — «интегрлистов», враждебных всему новому). В 1953 г. подвергся прещению Лионский факультет Фурвьере (*Fourvière*), руководимый иезуитами. Часть профессоров (среди которых был один из наиболее значительных философов Франции, С. А. де Любак) лишилась своих кафедр. В 1954 г. очередь настала для доминиканцев, которые провинились не только смелыми мыслями, но и ближайшим сотрудничеством с движением священников-рабочих, вызванным к жизни парижским кардиналом Сюаром (*Suhard*). Провинциал о. Авриль был лишен своего места, некоторые профессора (о. Конгар) лишены своих кафедр и высланы из Парижа, редакторы богословских журналов смещены. «Мы находимся в таком положении, хуже которого нельзя себе представить», сказал нам авторитетный католический деятель, скоро после этого умерший. В том же году имела место трагедия священников-рабочих, которые, фактически были Римом запрещены, несмотря на защиту их французским епископатом и на чрезвычайное возмущение французского общественного мнения, вызванное этими мерами Ватикана. Последней (хронологически) мерой этого было запрещение (в 1957 г.) пользоваться новым катехизисом, введенным в католические школы с одобре-

ния французского епископата. Все эти меры, принимаемые Римом непосредственно и через голову французских епископов, естественно, должны создавать чувства неуверенности, страха и бессилия. Французский католицизм ведет героическую борьбу с разливающимся морем безбожия, но, вместо поддержки, получает тяжкие удары от высшего и «непогрешимого» авторитета, в котором (по общему мнению) имеются только смутные понятия о тех трудностях, перед которыми стоит современное христианство.

На фоне этой мрачной картины, светлым пятном является энциклика об изучении св. Писания (*Divino applanante Spiritu*), 1943 г., которая, официально, считается развитием и продолжением предшествующих мер Льва XII, Пия X и Пия XI, а, на самом деле, является отменой того «осадного положения католической мысли», которое, в области библеизма, было создано энцикликой *Spiritus Paraclitus*, 1920 г. и проводимо в жизнь Библейской комиссией. Энциклика Пия XII освобождала католических библеистов от обязательств держаться в изучении св. Писания официального текста Вульгаты, старых методов апологетически-аллегорического истолкования и т. п. огрничительных правил. Она открыла перед католическим библеизмом широкие возможности, которые он и осуществил, как теоретически, в блестящем развитии библейской науки, так и практически, в организации «библейского движения», вдохновляющего на чтение и изучение слова Божия широкие массы верующих. Возможность издания энциклики *Divino applanante Spiritu* была подготовлена многолетней ученой работой руководителя доминиканского монастыря в Иерусалиме, о. Легранжа, который превратил его в «Библейскую школу» (*Ecole biblique de Jérusalem*) и поставил ее на такую высоту, что она была признана французской Академией национальным ученым учреждением. Общепризнанный успех научной работы, следовавшей новым методам, был слишком велик, чтобы его можно было игнорировать, а бестактное выступление группы итальянского духовенства, обратившейся к церковным властям с запиской о «серьезной опасности, грозящей Церкви и человеческим душам, а именно, о научно-критическом методе в изучении и истолковании св. Писания», явилось негласной причиной тому, что Рим принял работу группы о. Лагранжа и поддержал ее своей энцикликой, о которой католический ученый, *Monseigneur Charue* говорит как о «струе чистого воздуха, как об озоне, подувшем после грозы».

Из других мероприятий Пия XII отметим еще грандиозную работу раскопок под собором св. Петра, не тронувших самого собора, но открывших под ним целую улицу языческих гробниц, а, непосредственно под главным алтарем, — две колонны скромной гробницы, по всем данным, апостола Петра.

История продолжается и, поэтому, невозможно подводить какие бы то ни было итоги. Однако, обозревая отдельные периоды истории папства и сравнивая их между собой, можно все же сделать некоторые выводы относительно современного его состояния и дать общую характеристику его деятельности. Вот что говорит по этому поводу современный французский ученый: «обычно восхищаются умением папства применяться к историческим обстоятельствам. Однако, в большинстве случаев, папы примирялись с фактическим положением вещей только тогда, когда невозможность изменить его становилась слишком очевидной. Папству понадобились целые 70 лет для того, чтобы признать потерю светской власти, давно ставшей анахронизмом; оно должно было дожидаться конца XIX века, чтобы открыть для себя социальную проблему; оно встало на сторону демократий и свобод только тогда, когда в мире восторжествовали новые идеологии, еще более опасные для Церкви. Часто говорят о папском традиционализме. Да, традиция очень сильна в Ватикане. Но это единство поведения, — скорее кажущееся, чем реальное. Папы не перестают ссылаться на своих предшественников и неизменно претендуют продолжать самые древние традиции Церкви; но, на самом деле, современная история Ватикана, по сравнению с его прошлым, знаменует собою настоящую революцию, более радикальную (хотя и менее заметную), чем революции политические.

Нельзя также согласиться с теми, кто преувеличивает значение папства и в истории. В XIX и XX веках, нам, скорее бросается в глаза «отсутствие» папства в мировых событиях, чем его реальное влияние. Великие потрясения прошли мимо и произошли помимо папства; самовольное 60-ти летнее самозаклечение пап в Ватикане явилось, как бы символом этого ухода папства с мировой сцены. И разнообразные усилия пап в различных областях жизни не смогли вернуть церкви ее влияние на современный мир.

Единственным подлинным успехом папства явилась его победа в жизни церкви (мы бы сказали «над церковью» Л. З.), а именно — осуществление тех начал абсолютизма и централизации, которых папы всегда добивались. Отожествив себя с католицизмом и присвоив себе безапелляционное руководство строго дисциплинированной и проникнутой чинопочинием организацией церкви, папство сохранило и сохраняет значение всемирной власти. Но власть эта распространяется только на область духовных и нравственных отношений и, если Пий XI видел в этом особенность церковного характера своей власти, то, с другой стороны, это было невольным признанием своего бессилия в других областях. Папство перестало быть силой, управляющей миром и перешло, так сказать, «в оппозицию».

Но и в духовной области дело обстоит не столь благополучно, как оно изображается панегиристами папского самодержавия. Мы, правда, не можем отрицать того факта, «что папизм составляет внутренний факт и духовный устой католического мира, что католичество (давно уже) стало папизмом и утверждает себя в качестве такового». Но можно ли с уверенностью сказать, что все католики ощущают свою зависимость от церкви» не как давящее их бремя, не как стесняющие их оковы и не как рабство человеческому произволу, но как обогащающую их личность связь с установленной самим Богом властью, независимой от ее носителей». Когда читаешь папские энциклики, во всех деталях предписывающие католическим ученым, как они должны мыслить и учить, то, вместе с ними, переживаешь тот конфликт совести, который оканчивается или подавлением в себе христианской свободы или уходом из церкви (в последние годы во Франции это трагическое разочарование католического духовенства в своей церкви стало явлением, едва ли, не массовым и насчитывает уже не единицы, а десятки и сотни случаев). Мы не можем вдаваться здесь в критику папских энциклик, стремящихся охватить своими обязательными постановлениями все области мысли и жизни. Отметим только, что схоластический метод достигает здесь своих пределов, ибо богословам и философам предоставляется излагать и объяснять только чужие мысли. Собственные же их мысли всегда могут вызвать (и, в действительности, часто вызывают) прещения, на которые нет апелляции. Папские энциклики не считаются официально непогрешимыми и, действительно, часто противоречат одна другой; но, поскольку они издаются от имени папы и подписываются его именем, на них падает свет его абсолютного и непогрешимого авторитета. Но так как, фактически, энциклики составляются Ватиканскими богословами, никакой непогрешимостью не обладающими, то, для всех остальных богословов, они должны представляться монополией вероучительной власти, принадлежащей некоторой группе (или, если угодно, некоторому направлению или школе), той именно, которая держит бразды правления в папской курии. Это приводит нас к необходимости проводить строгое различие между папой и его управлением, между, если можно так выразиться, папством и папизмом. Папы сменяются. На «кафедре Петра» мы встречаем разных пап: самостоятельных и безвольных, добродетельных и порочных, благочестивых и светских, пророков и политиков, священников и дипломатов. Но курия, во всех этих переменах, остается той же: это есть мирская, бюрократическая организация с твердо установленными политическими и дипломатическими традициями. Она продолжает проводить в жизнь политические вождения средневековых пап, хотя, лишенная их религиозного вдохновения, она

часто пользуется папами, превращая их в свои послушные орудия и тиранизирует при их посредстве всю церковь. В этом смысле, папа, действительно, является «плеником Ватикана», т. е. курии. Папа может вступить на новые пути церковного управления, но курия останется связанной своим прошлым; папа*) может преследовать чисто религиозные цели и служить чистому идеалу церкви; но курия всегда будет связана интересами политики и власти, сохранение которой является ее главной задачей». И в этом главная трагедия католицизма, ибо курия в отношении папства является как бы его тенью, от которой оно не может избавиться. Два символических образа кажутся нам характерными для этого внутреннего противоречия в католической церкви. На приеме паломников во дворе дворца Кастель Гандольфо (летняя резиденция папы) мы видели взрослых и грубых на вид немцев, которые плакали, как дети, от умиления, увидев того, кто был для них наместником Христа. Это — явление папы как живой иконы Церкви. А, с другой стороны, один видный Ватиканский сановник, римский прелат сказал знакомому ным немецкому богослову: «*La Chiesa nun e uno credo ; la Chiesa e una disciplina e uno impero*». — Церковь не есть вера; Церковь есть дисциплина и власть». Это есть образ курии, действующей от имени папы.

ВАТИКАНСКИЙ ДОГМАТ

Положение папы в Церкви в достаточной степени выяснено в предыдущем изложении и нам остается познакомиться с теми официальными формулами, которые являются увенчанием римской эkkлeзиологии. Таковыми являются постановления Ватиканского собора и резюмирующие их статьи кодекса канонического права.

Constitutio dogmatica I de ecclesia Christi (sessio IV — 18 июля 1870 г.) состоит из общего введения и четырех глав. Каждая глава, в свою очередь, составляется из мотивировки и собственно канона. Непогрешимым официально считается только текст канонов, хотя слова мы «учим и определяем» (*docemus et definimus*) употреблены в начале мотивировки первой главы, в середине мотивировки третьей главы и в окончании мотивировки четвертой главы, что предполагает единство всего текста.

Исключительное значение Ватиканского догмата указано уже в общем введении, где, между прочим, сказано, что на «первенстве (примате) Римского престола, составляющем предмет древней и неизменной веры всей Церкви, основывается сила и крепость Церкви.

*) Ср. вышеприведенные слова папы Пия X, (См. «Вестник» Р.С.Х.Д. № 82, стр. 54).

За сим следует текст самих четырех глав, из которого мы приводим только каноны:

I. «Кто скажет, что блаженный апостол Петр не поставлен Господом Иисусом Христом князем всех апостолов и видимой главою всей воинствующей Церкви, или же, что он получил прямо и непосредственно от того же Господа нашего Иисуса Христа только первенство чести, а не истинного и подлинного первенства власти (*primatum jurisdictionis*) да будет а н а ф е м а .

II. Если кто скажет, будто не является на основании установления самого Господа Христа, то есть по Божественному праву, что блаженный Петр имеет в своем первенстве над всей Церковью непрерывных преемников, или что римский первосвященник не есть преемник блаженного Петра в этом первенстве, да будет а н а ф е м а .

III. Если кто скажет, что римский первосвященник имеет только полномочия надзора или направления, а не полную и высшую власть юрисдикции во вселенской Церкви, не только в делах, которые относятся к вере и нравам, но даже и в тех, которые относятся к дисциплине и управлению в Церкви распространенной во всем мире; или, что он имеет только важнейшие части, но не всю полноту этой высшей власти; или, что эта его власть не есть ординарная и непосредственная, как на все и каждую церковь, так и для всех и каждого пастырей и верных, да будет а н а ф е м а .

IV. Верно слеруя преданию, принятому от начала христианской веры, во славу Бога нашего Спасителя, к возвеличению католической религии и спасению христианских народов, с одобрения священного собора, мы учим и определяем, что ниже следующий догмат принадлежит к истинам Божественного откровения.

Римский первосвященник, когда говорит с кафедры, то есть когда он, во исполнение служения пастыря и учителя всех христиан силою высшего своего апостольского авторитета, определяет учение о вере или нравах обязательное для всей Церкви, пользуется, помощью Божией, обещанной ему в блаженном Петре, тою непогрешимостью, которою Божественный Искупитель Благоволил наделить Свою Церковь в отношении определения учения о вере и нравах; и, таким образом, определения римского первосвященника, сами по себе, а не на основании согласия Церкви, не подлежат изменению (*irreformabiles*) Если же кто решится противоречить этому нашему определению, что Бог да отвратит, да будет а н а ф е м а .

В этих потрясающих постановлениях главное внимание обычно привлекает канон четвертый и самый догмат часто называют, поэтому, догматом о папской непогрешимости. Однако, как справедливо заметил участник собора Friedrich «опаснейшими во всей схеме словами являются» «*plenam potestatem ordinariam et immediatam*» («высшая власть — ординарная и непосредственная»). Внимательно вчитавшись в «Третий канон» мы видим, что он дает папе а б с о л ю т н у ю никаких исключений не допускающую власть над в с е ю Церковью, всеми ее членами и во всех делах, притом власть полную в точном смысле слова: не примат чести, но именно юрисдикцию — непосредственную и ординарную... (Этим) епископы лишаются своего жезла и становятся требоисполнителями, всецело зависящими от папы».

Но «непосредственность» власти касается не только Церкви и епископов, но и всех и каждого пастыря и верующего. Это значит, что распоряжения папы могут быть обращены к любому лицу или учреждению помимо всех церковных властей и через голову епископов.*)

Перед уничтожающей силой этого духовного абсолютизма... казенной и бессодержательной отпиской звучит оговорка в мотивировке 3-го канона, в которой говорится: «власть верховного первосвященника не нарушает ординарную и непосредственную власть епископской юрисдикции, силою которой епископы, как поставленные Духом Святым, заступают место апостолов, как истинные пастыри пасут и правят порученное им стадо, каждый своим». Теоретически сосуществование двух ординарных и непосредственных властей несовместимо и это становится очевидным, когда между ними нет согласия. В таком случае епископы обязываются к безусловному послушанию и их власть теряет всякий характер самостоятельности (за исключением *caracter indelibilis* епископского сана, которого правильно поставленного епископа никакая власть лишить не может).

По сравнению с абсолютностью папской власти, провозглашенной канонам 3-им, догмат о непогрешимости, составляющий предмет канона 4-го, может рассматриваться как некоторое ограничение. Ибо тогда как канон 3-й говорит о всех вопросах церковной жизни (подлежащих решениям папы), канон 4-й говорит только о вопросах, касающихся веры и нравов; канон 3-й говорит о нормальном отправлении папской власти, придавая ей характер безапелляционности; канон 4-й говорит только о провозглашениях *ex cathedra* (что определяется самим папой,

*) Таковым был приказ об изъятии нового французского катехизма, одобренного всем французским епископатом.

ибо кто кроме него может сказать, говорит ли он *ex cathedra* или нет). Но терминология канона 4-го является более торжественной и приписывает папе силу, так сказать сверхъестественную, вследствие чего этот канон и является, если не нормой, то, во всяком случае, символом всей системы папства.

Кодекс канонического права частью повторяет, частью дополняет и делает логические выводы из Ватиканского постановления.

В виду точности, ясности, недвусмысленности и краткости его формулировок, мы считаем нужным привести текст основных канонов, касающихся папской власти.

Канон 218, § 1 гласит: «Римский первосвященник — наследник св. Петра в его первенстве — обладает не только первенством чести, но высшей и полной юрисдикцией во вселенской Церкви, как в вопросах веры и нравов, так и в тех вопросах, которые касаются дисциплины и управления всею Церковью, находящейся во всем мире. Эта власть действительно епископская, ординарная и непосредственная распространяется как на все и на каждую церковь, так и на всех и на каждого из пастырей и из верующих; она не зависит от какого бы то ни было человеческого авторитета.

Канон 222. Вселенские соборы могут быть созываемы никем кроме римского первосвященника; ему же принадлежит право лично или же через представителей председательствовать на Вселенских соборах, определять и указывать вопросы, которые должны быть на них обсуждаемы и порядок их обсуждения, а также право переносить, откладывать и распускать соборы и утверждать их постановления.

Канон 227. Постановления соборов не имеют обязательной силы, если они не утверждены римским первосвященником и не обнародованы им.

Канон 228. § 2. На определения римского первосвященника не может быть апелляции к вселенскому собору.

Последние каноны дают окончательное решение тысячелетнему спору о значении и природе вселенских соборов. Поскольку их созыв, подлежащие их обсуждению вопросы, порядок их работ и, наконец, самые постановления целиком зависят от папы, они превращаются в консультативные при папе органы и формула «изволися Духу Святому и нам» лишается своего значения. Вместе с тем, эти каноны объясняют слова общего введения «*sacro approbante concilio*», которые «являются заведомой двусмысленностью, ибо могут быть с одинаковым основанием поняты и как обстоятельство времени: по или при одобрении

собора, и как обстоятельство образа действия: вследствие, в силу, в результате одобрения собора». По смыслу канонов второе истолкование отпадает и вступает в силу формула четвертого канона **ex sesse, non antem ex consensa Ecclesiae** (...постановления римского первосвященника не подлежат исправлению сами по себе, а не на основании согласия Церкви»). Формула эта была вставлена в текст догмата без обсуждения и была принята **en bloc**, очевидно в качестве последнего слова папского верховенства. Умеренные католики находят, правда, аргументы, чтобы и эту формулу истолковать в, так сказать, безобидном для Церкви смысле; так Конгар, возражая православным критикам, говорит: «никогда **ex sesse, non antem ex consensa Ecclesiae** не означало, что папа, на основании собственной власти, может объявить истиной веры что либо, что не содержится в (учении) Церкви или что несогласно с этим учением; формула эта отрицает не факт предварительного согласия с Церковью, а необходимость какого бы то ни было акта со стороны Церкви, в котором бы это согласие изъяснилось, придавая этим силу папскому определению». Но это есть его личное, расширенное толкование. Текст же формулы, так же как и контекст всего постановления, склоняет скорее понимать эти слова в том смысле, что «они отделяют папу от Церкви и противопоставляют его ей как повелителя, трансцендентного Церкви... Выражаясь языком католического богословия, на долю всей Церкви оставлено только **infallibilitas passiva** т. е. добродетель верующего послушания, вся же **infallibilitas activa**, которую католики относят на долю учащей Церкви, и принадлежит одному папе».

В этом смысле Ватиканский догмат и закрепляющие его статьи кодекса канонического права являются главным препятствием на пути сближения Католичества с Православием.

«До 1870 г. папизм оставался только фактом, правда могущественным и определяющим, но все же не имевшим силы догмата, которым он сделался после Ватиканского собора. Последний есть грань в истории католичества, предел, к которому оно стремилось, развивая систему папизма. Во всей предшествующей истории Церкви, наряду с бесчисленными свидетельствами, в которых утверждался папский абсолютизм, можно привести, вероятно, столько же свидетельств, в которых он прямо или косвенно оспаривался. Это борение проявилось даже на самом Ватиканском соборе... Лишь после этого собора папизм перестал быть только фактом, но сделался догматом и этим самым вопрос был закрыт. Поэтому Ватиканский собор имеет для католичества ве-

личайшую важность. В нем выявилась и великая сила дисциплины и организации, присущих католическому миру и великая его слабость — духовная скованность».

КУРИЯ

Неотъемлемой принадлежностью папской власти является римская курия. Под этим именем, обыкновенно, разумеют совокупность всех инстанций папского управления. Но, на самом деле, понятие курии шире, потому что оно обнимает собою не только весь личный состав папского окружения, но и все имущественные и правовые отношения Ватикана и, даже, определенную традицию в церковном управлении и политике. В этом отношении значение курии столь велико, что многовековая борьба за папский абсолютизм обычно называется борьбой куриальной и епископальной систем. Система папского управления отождествляется таким образом с управлением курией. Слово «курия» правильнее всего поэтому перевести словом «двор», в том смысле в каком двор означал окружение монарха. В истории католической Церкви курия выросла из коллегии римских пресвитеров, помогавших епископу в осуществлении его сложных административных функций.

В VI в. мы видим курию в качестве сложившегося учреждения. Но т. к. папы были не только епископами, но и светскими государями, то и курия, из учреждения чисто духовного, скоро превратилась в многочисленный и блестящий двор со сложной иерархией, с многочисленными чинами, с разнообразными духовными и светскими должностями. История и состав курии столь сложны, что могли бы стать предметом особой дисциплины; мы должны ограничиться самыми общими данными.

Чины курии делятся на семь различных категорий. К первой принадлежат «прелаты Палатина», в составе четырех кардиналов и четырех прелатов-камергеров. Каждый из кардиналов имеет свою область деятельности и личный доклад у папы. Наиболее важным из них является статс-секретарь, ведающий иностранными сношениями и председательствующий в совете министров. Политика Ватикана составляет особую (и очень важную) главу в истории католической церкви. Она имеет свою традицию (начало коей положено Карлом Боромеем — первым кардиналом статс-секретарем, который, в возрасте 23 лет, был назначен на эту вновь созданную должность своим дядей, папой Пием IV в 1560 г.), поддерживаемую не только преемственностью должности, но и подготовкой папских дипломатов в особой школе —

Академии Нобиле. В частности, результатом деятельности кардиналов статс-секретарей является та система конкордатов, которая определяет юридическое положение католической церкви в различных странах и даже в самой Италии (Латеранский конкордат 1929 г.).

Влияние и значение статс-секретаря столь велико, что его шутя называют «красный папа» (*para russo*) в отличие от «белого» папы (*para bianco*) т. к. сам папа носит сутану белого цвета и «черного» папы (*para negro*), как называют генерала ордена иезуитов.

Следующей категорией Ватиканского двора являются «прелаты апостольской камеры», ведающие разными отраслями хозяйственного управления дворцами Ватикана.

Затем следуют «прелаты дома», камергеры, капелланы, адъютанты и стража. Каждая из этих категорий имеет свои должности, отличающиеся не только своими функциями, но и правами, привилегиями, формой одежды и т. п.

Все это в совокупности составляет сложную и торжественную систему, авторитетности коей содействует как ее полу-сакральный характер, так и историческая давность. Отблеск славы викария Христа и его престола — вечного Рима, лежит на всем церемониале курии, возбуждая в благочестивых католиках благоговейное удивление и трепет и раздражая не-католиков своей светской торжественностью, которой искусственно придается характер духовности.

Для осуществления своих административных функций, курия разделена на двенадцать министерств или конгрегаций.

Три первые ведают вопросами вероучения; остальные — вопросам дисциплины и культа. К ним присоединяются судебные установления и ряд специальных комиссий. Во главе каждой конгрегации стоит ее префект (обычно кардинал). Число ее членов определено законом. На первом месте стоит *Sacra congregatio sancti officii* (сокращенно именуемая *Sanctum officium*), являющаяся верховной инстанцией для охраны чистоты веры и нравственного закона. Префектом ее является сам папа. Заседания ее происходят в абсолютной тайне. Решения ее теоретически не являются непогрешимыми, но, в виду ее первенствующего значения в церковной жизни и того обстоятельства, что главою ее является папа, они, фактически, обладают высшим и последним авторитетом; апелляция на них быть не может. Так как охрана чистоты веры осуществляется путем пресечения всякого уклонения и заблуждения, то и деятельность *Sanctum officium* носит характер верховной цензуры и суда и внушает соответствующие чувства опасения и страха всем, кто чувствует, что обратил

на себя ее внимание. Конгрегация эта была учреждена папой Павлом III (в 1542 г.) для борьбы с начавшейся реформацией; — затем папы Пий IV Сикст V соединили ее со священной инквизицией, существовавшей с XIII в. Но уже очень скоро деятельность ее оказалась столь многообразной, что потребовала выделения в 1587 г. особой Конгрегации индекса, занятой рассмотрением вновь издаваемых книг и внесением тех, которые признаны ею опасными или вредными, в особый *Index librorum prohibitorum* (список запрещенных книг). Первый каталог таких книг издан папой Пием IV в 1564 г.; последний — Львом XIII в 1900 г. Особо вредные книги подлежат, однако, цензуре и санкциям *S. Officium*.

Третьей конгрегацией, ведающей делами веры, является *Congregatio de propaganda fidei*. Первоначально она состояла из трех кардиналов, задачей которых являлась забота о поддержании веры греко-католиков и о привлечении к римской церкви греко-православных. Папа Григорий XV расширил ее компетенцию (в 1622 г.) и превратил ее в верховное управление католических миссий. Ее власть распространяется на все страны, в которых нет назначенных Римом иерархов. В распоряжении этой конгрегации находится школа миссионеров и типография, печатающая духовные книги едва ли не на всех существующих языках.

Среди конгрегаций, ведающих вопросами дисциплины и культа, на первом месте стоит — *Congregatio cardinalium concilii Tridentini interpretum*.

Она учреждена в 1564 г. для истолкования и продолжения работы Тридентского собора, имевшего своею целью обновление и исправление жизни католической церкви. Сообразно этому, ей подчинены все пастырские вопросы, надзор над жизнью священников, руководство местными соборами, надзор над *Actio catholica*. Новых законов и правил эта конгрегация не издает; она есть орган контроля и руководства, а не законодательства.

Затем следует: *Congregatio sacrorum rituum* ведущая вопросами литургии и канонизации святых и *Congregatio de disciplina sacramentorum* (препятствия к браку), *Congregatio negotiis religiosum sodalium praeposita* — высшее управление монашескими орденами (имеющими каждый свою относительную автономию).

Congregatio consistorialis — высший орган управления епархиями и епископами. Префектом ее является папа. В ее компетенцию входит замещение епископских кафедр, надзор за епископами, их смещение и т. п. Рядом с ней стоит *Congregatio pro ecclesia orientali*, основанная в 1917 г. и ведущая, как показывает ее наименование, католическими церквами восточных обрядов.

— *Congregatio de seminariis et universitatibus studiorum* — осуществляет верховный надзор, а частью и управляет высшими школами католической церкви, к каковым принадлежат католические университеты Милана, Лувена, Токио, Неймгена (Голландия), Парижа, Лилля, Шанхая и Рима. В Риме имеются два университета, подчиненные этой конгрегации: иезуитский *Gregorianum* и доминиканский *Angelicum*. Две последние конгрегации связаны с местной жизнью Ватикана и ведают: богослужениями в папской часовне (*Congregatio ceremonialis*) и управлением храма св. Петра.

К конгрегациям примыкают судебные установления. Таковыми являются: *Curia gratiosa pro foro exterrio* 414 или *Dataria* — присуждающая награды и бенефиции. Во главе ее стоит кардинал — датарий, который в иерархии чинов курии занимал первое место и стоял даже выше статс-секретаря (это его положение было связано с обычаем, соответственно которому папа начинал каждый день своей жизни добрым делом; кардинал-датарий имел поэтому ежедневный и первый в очереди доклад у папы; в настоящее время эта практика оставлена, но должность сохранилась).

Poenitentiarium — духовный суд, ведущий вопросами покаяния, индульгенций, прощения и экскоммуникаций.

Rota Romana — верховный суд (главным образом по вопросам брака) и *Signatura Apostolica*, имеющая дело с формальными юридическими и процессуальными вопросами.

Кроме этих основных органов курии отметим еще Апостольскую канцелярию (состоящую из пяти отделов), которая ведает изготовлением бреве и булл, ведет хозяйственные дела, подготавливает выборы пап и служит канцелярией статс-секретаря и, затем, еще ряд специальных комиссий, учрежденных, главным образом, в последнее время. К таковым относятся: комиссия о России, о своде канонического права, о просмотре текста Вульгаты, библейская комиссия, археологическая комиссия и т. д.

В таком виде курия является своеобразным аппаратом духовно-светской бюрократии, с твердо сложившимися духовно-административными, политическими и дипломатическими традициями. В этом ее ценность, но в этом же и та опасность, которую она представляет для жизни римского католицизма. Ибо, будучи учреждением постоянным, в отличие от сменяющихся пап, она, в значительной степени, парализует их инициативу, обезличивает их деятельность, превращает папство в систему, связанную неизменными юридическими и церковно-политическими традициями. На это неоднократно жаловался глубоко благочестивый Пий X,

который, на просьбы и предложения верующих, отвечал:— *che dirono mei padroni?* (а что скажут мои патроны?).

Поэтому курия является ответственной за многие недостатки и грехи папского управления. И самое совершенство этого аппарата, воплощающего в себе все основные черты римского гения: трезвое понимание действительности, ясность логической мысли, железную волю, неукоснительное проведение принципов единства и порядка и несравненное искусство точных формулировок, все это является не только внешне организующей силой, но и духовным несовершенством Римской церкви. Благодаря курии католичество является самой сильной организацией, но не придает ли курия этой организации мирской характер, ослабляющий духовную мощь католической церкви?

ОПИСАНИЕ СОБЫТИЙ В ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЕ В НАШИ ДНИ *)

Редакционный комментарий

В своей жестокой и безумной борьбе с христианством антирелигиозная власть испробовала различные насильственные методы расправы над верующими и священнослужителями. Конституционно провозгласив свободу совести, антирелигиозная власть формально заявила о необходимости борьбы с религией методом атеистической пропаганды. В действительности же, осознавая свое полное пропагандистское бессилие, власть стала на путь административной расправы и физического уничтожения священнослужителей и наиболее активных верующих.

Почти сразу же после революции начался процесс удушения русской православной церкви, в ходе которого были поправлены и юридические законы, и элементарные нормы человеческой нравственности.

Священнослужителей арестовывали и расстреливали, верующих сажали в лагеря. Церкви закрывали и разрушали. Антирелигиозный террор сильно ослабил Русскую Православную Церковь, но уничтожить ее полностью так и не удалось. К тому же, перед лицом международной общественности нужно было соб-

*) Из журнала "Феникс" 1966 — Copyright by Grani, Possev-Verlag, FFM. 1967.

люсти хотя бы видимость юридических гарантий на свободу вероисповедания.

Оказавшись не в состоянии раздавить церковь средствами антирелигиозного террора, власть все чаще стала пользоваться средствами административно-правового насилия, одновременно стремясь разложить церковь изнутри путем насаждения внутри церковных институтов антирелигиозной агентуры.

Труд неизвестного нам автора «Описание событий в Почаевской Лавре в наши дни», широко распространившийся в настоящее время в виде машинописной перепечатки, с документальной убедительностью показывает нам самоотверженное сопротивление юридически беззащитной горстки людей, посвятивших себя служению Богу и нравственности, против бесчеловечной, механически-жесткой работы государственной машины, направленной на их подавление.

*
**

Народное предание возводит появление монахов на горе Почаевской ко временам первых учителей славянских Кирилла и Мефодия, т. е. IX век или ранее всеобщего крещения русского народа.

Но постоянно стали селиться монахи на горе Почаевской в столпе огненном, возле чудесного источника, оставленного Божией Матерью после своего явления (След Стопы Ея на камени, наполненный целебной водой). В XVI—XVII вв. здесь подвизался великий угодник Божий, преподобный Иов Почаевский, и его святые мощи уже 300 лет покоятся в лавре. Таким образом Почаевская лавра существует уже более 700 лет.

В наши дни жизнь в Почаевской лавре была нарушена в период правления Хрущева, когда массами стали закрывать церкви и монастыри. Из закрытых монастырей монахи собираются в лавру. Но гонение на этом не останавливается. Оно все возрастает и возрастает.

Официально не уничтожена ст. 124-ая Конституции о свободе религии и об отделении церкви от государства, но фактически это осталось только на бумаге. Уполномоченные по делам РПЦ полностью стали распоряжаться церковными делами, стали хозяйничать в церкви.

В 1961 году приступили непосредственно к Почаевской лавре. Закрыть, ликвидировать лавру они не решались. Желая скрыть свои преступные действия и придать им хоть сколько-нибудь за-

конный вид, они лишают лавру материальных средств для существования братства, возбраняют доступ христиан-богомольцев и дают указания всем организациям и магазинам не отпускать монахам продовольствия и других товаров, чтобы создать невозможные условия для существования лавры, и, таким образом, расправиться с монастырем, обнародовав в советской печати, что монастырь сам по себе распался.

Эти насильственные репрессивные меры постепенно принимаются одна за другой в возрастающей степени: в 1959 году у Почаевской лавры отнимают приусадебный участок земли (10 га) и следом за ним фруктовый сад, именуемый «архиерейским», примыкавший к архиерейскому дому и Пещерной церкви преподобного Иова, с огородом в нем, теплицей, сушилкой, домиком садовника, складом и другими второстепенными помещениями в нем, отнимают пасеку в количестве более 100 улей пчелиных семей. Следом, в 1960 году воспрепятствуют совершать ремонтно-реставрационные работы в Почаевской лавре, запрещают принимать людей в лавру в число братии и по вольному найму специалистов для исполнения художественных, деревообделочных и других работ, принимаются некоторые попытки сократить братию лавры, отнимают все машины (4 грузовых и 1 легковую), механизмы и оборудование и ремонтно-реставрационные материалы, приобретенные все в наши дни на лаврские средства. Усиленно стали преследовать христиан-богомольцев, приезжающих из других городов. Местных христиан начали снимать с работ за то, что ходят молиться в лавру. Уволили с работы Клеткину Надежду, прож. Почаев, Плетенка, 40, работала помбухгалтера в райконторе связи; завхоза Почаевской райбольницы; некоторых медсестер и др. Органы милиции и КГБ (Комитет государственной безопасности) днями и ночами преследуют христиан в лавре, ищут какую-либо придирку и арестовывают. Приписывают к запрещенной антисоветской секте «леонтьевцев», судят и выселяют. Категорически запрещают пускать ночевать как в лавре, так и по городу. В послевоенное время до 1959 года Почаевская лавра использовала «архиерейский дом» под гостиницу для приезжих богомольцев, в 1959 г. там разместились монахи из закрытых монастырей: скита Почаевской лавры, часть монахов Киево-Печерской лавры, из монастыря «Казацкие могилы» Волынской области, Крещатинского монастыря Черновицкой области и др. В корпусе оставалась еще одна комната, куда пускали иной раз переночевать родственников и знакомых монахов: КГБ категорически запретило пускать людей. Начальник КГБ По-

чаева, капитан Максимов Николай Васильевич, каждую ночь ходил проверять, как исполняются его приказания. Однажды он застал двух человек, составил акт и вынудил подписать его живущего там игумена Анатолия (Корнейчук), а также звал еще подписать сторожа лавры старичка-инвалида Николая Рабуш, но тот, видя такие бесчеловечные действия КГБ, медлил. Максимов подбегает к сторожу, он в ярости, что его требования моментально не исполняются. Он уже грозно кричит «Иди подписывай». Сторож молчит. Максимов схватил старца и со всей силой пустил его вниз по ступенькам; к счастью сторожа внизу был монах Нестор и поймал его своей рукой, а то мог быть даже смертельный исход. Так издевается Максимов над христианами в Почаеве. Видя такое трудное положение для приезжих паломников, руководство лавры по усердной просьбе паломников открывало храм на круглосуточные молитвы днем и ночью. Но Максимов в скором времени не разрешил и здесь проводить людям ночное время. Несколько дней Максимов ходил, высматривал, кто является инициатором ночных молитв, кто читает, поет и т. д., т. е. искал ревностных христиан, а когда узнавал их, то потом при удобном случае поодиночке арестовывал, кого судил, а кого только выживал из Почаева; но этого Максиму показалось мало, так как христиане прибывали все новые и новые, и под руководством монахов моления проходили успешно. Тогда Максимов применил другой метод: он обвинил, что монахи используют храм, как ночлежный дом, так как не все христиане по состоянию здоровья способны круглосуточно бодрствовать и молиться, некоторые во время молитвы от усталости засыпают. И вот Максимов составляет акт, что в Троицком храме Почаевской лавры незаконно ночует 250 человек, и требует от дежурного по храму монаха Почаевской лавры Пиора подписать этот акт; тот отказался подписывать, так как это несправедливо. Храм — народное достояние, и народ использует его по своему усмотрению; какое дело чиновнику-атеисту Максиму как верующие молятся, но у Максимова власть и сила, а закон только на бумаге.

Максимов, приняв свои меры, категорически запретил пускать богомольцев ночью в храм, а неугодного ему монаха в скором времени выписал из домового книги лавры и выгнал из Почаева, грозя ему судом, приписывая монаху антисоветскую агитацию.

В 1961 году начинаются бурные события в Почаеве. У монахов отбирают «архиерейский дом», размещая в нем поликли-

нику. Монахов загоняют в один корпус. Отбирают «святые врата», с примыкающими к ним зданиями. Отбирают небольшой жилой корпус, именуемый «столярка», отбирают водокачку полностью, с машинами и оборудованием.

Когда были отобраны все здания вокруг лавры, а остался один только большой корпус, примыкающий к Успенскому собору, тогда КГБ и милиция накинулись на насельников, дальше переводить их уже некуда, а поэтому стали разгонять на все четыре стороны. Монахов, как преступников, ежедневно группами по 10—15 человек вызывали в помещение Почаевской милиции на допросы: там их распределяли по кабинетам поодиночке, проводили «разъяснительную работу». Разговор шел такого содержания: «Ваш монастырь закрывается, уходите из монастыря по-хорошему. Мы победили Германию, а с вами нам и думать нечего, не уйдете — разгоним, а монастырь закроем». И начали разгонять: каждого монаха стали брать на измор, целые дни он проходил мытарства в кабинетах милиции и КГБ, закрывали в КПЗ, издевались, как только могли, на одного монаха накидывалось 4-5 работников КГБ, зачастую в пьяном виде, требуя ухода из Лавры; оскорблений не опишешь, какими только словами не обзывали монахов: ругань, матерщина, крики, стучание по столу, требование смотреть в глаза, в одном направлении, терзания из кабинета в кабинет: то выйди, то зайди, пиши объяснительные по всем вопросам монастырской жизни, придерутся что опоздал на их вызов, пиши объяснение, почему опоздал, хотя фактически все явились по их требованиям; кто почему-то не явился сразу — приходят в лавру, в келию (квартиру); если в келии никого нет — опечатаывают, вешают свой замок и т. д. Мы все, по милости Божией, претерпевали, переносили, но к нам сразу применили другой метод, стали отбирать паспорта. Первоначально приходит группа работников КГБ и милиции: майор Бочкарев, майор Корсаков, капитан Максимов, майор Данилов, начальник паспортного стола капитан Белик, ст. л-ты: Борейко, Лысак, Юрчак и др., требуют паспорт монаха, говорят, что для проверки, но когда монах, владелец паспорта, отдавал его для проверки, то получал назад уже со штампом выписки. Начальник паспортного стола капитан Белик разъяснял: «Вот уже все вы выписаны, уходите из лавры, а в противном случае будем судить вас по статье 196 УК УССР как нарушителей паспортного режима, а Бочкарев с Максимовым сразу устанавливали срок трое суток, чтобы выехали из лавры. На просьбы и слезы монахов, что это насилие, что незаконно их гонят из лавры, что Конституция име-

ет статью 124 о свободе вероисповедания, что везде на словах и бумаге проповедуют свободу, а нас так противозаконно выселяют из лавры, — работники КГБ отвечали, что они создают законы и Конституция написана для коммунистов, а верующие все «лишenci», что им поступают другие указания по партийной линии, и они исполняют указания правительства, но они их никому не показывали и говорили, что не покажут, что при коммунизме религии не будет, и они намерены всеми способами ее уничтожить. «Жаль, говорили работники КГБ, что нам не даны такие права, как в первые годы революции, мы бы с вами и разговаривать не стали, под линейчку всех из пулемета перестреляли».

После выписки по паспорту, работники КГБ с начальником паспортного стола приходили в Духовный собор лавры и таким же образом брали на проверку домовую книгу лавры и выписывали по домовой книге. Монахи не хотели уходить из лавры, так как многие из них уже почти всю свою трудовую жизнь отдали на служение в лавре, и прожили в ней по 20-40 лет, а на старости лет над ними издеваются, — и продолжали жить в лавре. Таким образом, стали появляться «злостные нарушители паспортного режима», к ним органы милиции стали применять все свои методы «административного воздействия», устанавливали сроки: в 3-е суток выехать из лавры, потом — в 24 часа, брали несколько подписок, штраф и оформляли уголовное дело: «нарушитель паспортного режима» — год тюремного заключения.

Таким образом, пересудили монахов Почаевской лавры: игумена Вячеслава (Псаман), который прожил в лавре 40 лет, т. е. почти всю свою жизнь, а на старости лет сделали из него «нарушителя паспортного режима» и подвергли таким репрессиям; иеромонаха Амвросия (Довгань), иеромонаха Сергия (Соломка), иеродиакона Антония (Корыстелева), иеродиакона Апеллия (Станкевич), иеродиакона Андрея (Шур), иеромонаха Владимира (Солдатов), иеромонаха Валериана (Попович), иером. Дионисия (Комонюк), иеродиак. Гавриила (Углицких), монаха Нестора (Онук), монаха Даниила (Клюткина), монаха Григория (Унку). Таким образом КГБ Почаева применил массовое насилие над монахами, что является издевательством над религией и над чувствами всего верующего населения нашей страны и противоречит советским законам. Церковь отделена от государства. А фактически уполномоченные по делам Русской православной церкви грубо полностью вмешиваются в церковные дела и делают, что хотят, но, чтобы впоследствии им можно было на что-то сослаться, то они

оказали давление через уполномоченного на львовского архиерея Григория, который ныне занимает Закарпатскую кафедру, чтобы тот издал указ об увольнении монахов, на что и сослались, что монахи уволены архиереем, поэтому им-то только и место в тюрьме.

Все перечисленные монахи, конечно, никаких преступлений не совершали. До монастыря они честно трудились на гражданских работах, часть из них — участники Великой Отечественной Войны 1941—1945 гг., и сразу после окончания ее пришли в стены лавры, служить Богу; некоторые с малолетства подвизались в лавре. Кажется, прошлое их заслуживает даже уважения, как например, в связи с 20-летием победы над Германией всех участников войны награждали медалями и поощряли, верующих же людей, в особенности монахов — участников войны Амвросия (Довгань), Сергия (Соломко), Антония (Корыстелева) повторно арестовали и отправили в тюрьму за нарушение паспортного режима.

Всех подряд арестовывать и судить не решились (ведь у нас свобода вероисповедания), но принялись за борьбу с лаврой, с ее насельниками-монахами все организации: основное задание возложено на органы здравоохранения — найти у монахов какую-нибудь болезнь и принудительно выслать на лечение. Для этого органы власти назначают медицинское обследование монахов; при Почаевском райвоенкомате устроили комиссию, по которой некоторых монахов: Голованова, Мирчука, Шворука и др. признали психобольными (хотя они вполне здоровы) и длительное время содержали в психобольнице и выписали из лавры. Такое усердное «лечение» привело некоторых к смерти — умер Голованов в возрасте 35 лет. В сентябре месяце этого же 1961 г. устраивают другую комиссию, состоящую из работников КГБ и медработников, т. н. «облмедкомиссия», они проводили ее в расположении лавры, в помещении Духовного собора лавры, туда сзывали монахов и проверяли на инфекционные заболевания — дизентерию. Обследования эти носили более издевательский характер, нежели вид комиссии, но под этим благородным видом определили, что группе монахов (Вольнец, Дубровский, Лисицкий, Корнейчук, Гальсевич Центкевич) необходимо пройти курс стационарного лечения. И на таком основании эта группа принудительно была вывезена в Кременецкую райбольницу на лечение (конечно, монахи все были здоровы, никогда не болели). Следом за этим, комиссией 13 марта 1962 года устроена новая медкомиссия на обследование грудной клетки: на предыдущих комиссиях монахи уже видели, какое на-

правление этих комиссий и к чему они ведут, поэтому категорически стали отказываться от медкомиссии, ссылаясь на то, что в СССР лечение считается добровольным, а не принудительным, но с монахами разговаривать не стали: Почаевские и Тарнопольские гонители засели в помещении Духовного собора лавры — секретарь райисполкома Дармограй, председатель п. совета Малкуш, начальники КГБ Остапенко и Максимов, начальник паспортного стола капитан Белик и др., и стали вызывать по одному монахов лавры. Кто из монахов просил разъяснения цели комиссии, того капитан Белик сразу выписывал по домовой книге из числа насельников лавры; таким образом снова выписали группу монахов в количестве 16 человек, снова появились нарушители паспортного режима, которых вслед за этим предавали суду. Между этими комиссиями Почаевским райвоенкоматом проведен еще ряд медкомиссий для молодежи: молодых монахов, не проходивших военной службы в Советской армии, но имевших освобождение от нее, т. н. «белобилетчиков», по указанию органов КГБ врачи делают здоровыми и мобилизуют в Советскую армию в ВСО (военно-строительные отряды), посылают в северные районы страны на лесоразработки. В эту группу попали: иеродиаконы Панкратий Тимошук, Георгий Лошкарев, Алексей Барановский, иером. Власий Болотов, монах Анатолий Палецкий, Димитрий Петровцы, Иван Пастухов, Владимир Клочков, Анатолий Капинос, Исихий Никитенко. Болотов, Пилецкий и Никитенко были совершенно слабого здоровья, у одного перебит позвоночник, у другого глаза совершенно слепые 0,2% зрения, что совершенно непригодно к тяжелому физическому труду, но все равно врачи сделали «годными» для военной службы лишь с той целью, чтобы вывезти из лавры, и их довезли только до Тарнополя на сборный пункт, там некоторое время подержали и отпустили, но за этот момент из лавры по домовым книгам выписали, а восстановить и разговаривать не захотели.

Кроме этих комиссий, весь этот период 1961 года монахов часто вызывают в милицию, КГБ, издеваются, продолжают гнать из лавры. Далее в монастыре устраивают проверки паспортного режима: работники КГБ и милиции в воскресные и праздничные дни и накануне их проверяют паспорта в лавре: ставят своих милиционеров на всех входах и выходах из лавры и в лавру, воспрещая всякое движение по ней, сами ходят по квартирам-келям насельников с проверкой — обыском. Если найдут к чему-либо придраться, то отбирают паспорт и на следующий день возвращают выписанный. Проводят медико-санитарные, пожарные и

прочие комиссии, т. е. создают в лавре такую атмосферу, чтобы не было возможности жить, все дни чтобы были в терзании, напряжении, в издевательствах и т. д., чтобы таким давлением выселить оставшихся монахов из лавры.

Продолжают постепенно отнимать имущество в лавре: отнимают ремонтно-строительные материалы, инвентарь, воск и парафин, которые были в лавре заготовлены.

Вокруг лавры восстанавливается постоянный контроль: в лавру не пропускают ни одной автомашины и повозки с топливом и продуктами и т. д., т. е. лишают лавру всякого снабжения, чтобы к общему нажиму добавить еще голод и холод.

Предпринимается страшная кампания против христиан-богомольцев, поддерживающих лавру, приходящих и приезжающих молиться.

Делаются заслоны из милиции и КГБ в Святых Вратах и на подходах в лавру. Утром, когда идут христиане в храм, они подгоняют грузовые бортовые машины, загоняют христиан на них и, осыпая их матерщиной и побоями, вывозят из Почаева за 40 - 50 км. со строгим предупреждением, что если только появитесь в лавре, то посадим в тюрьму. С местных жителей Почаева взяли поголовную подписку, чтобы не ходили в Лавру молиться и не **пускали** приезжих ночевать. Кто безбоязненно продолжал молиться, ходить в лавру, того КГБ выписывал из Почаева и выселял. Ежедневно ходили по квартирам в городе, проверяя, как исполняются их приказания, под видом проверки паспортного режима. Если где находили приезжих богомольцев, их арестовывали, а хозяев штрафовали. Эти издевательства доходили до изуверства: пьяные милиционеры и их начальники в 12 часов ночи врываются в дома, выкидывали спящих богомольцев на улицу, били и грабили их, издевались над хозяевами. Под таким давлением почаевские жители стали бояться пускать кого-либо на ночь, а приезжие богомольцы вынуждены были проводить ночи на улице под открытым небом, стали ютиться на паперти под храмом. Но и здесь Почаевская милиция не дала спокойствия, а наоборот — применяла самые грубые издевательства: пьяные работники КГБ и милиции приходят ночью сюда, вооруженные дубинками и оружием, и начинают колотить богомольцев, те в ужасе рассыпаются кто куда может. Их тогда по одиночке ловят, грабят, издеваются и кидают в психобольницу, приговаривая «больше не будете ехать в Почаев». Однажды лаврский дворовый сторож, послушник Исидор Лищинюк не мог вынести такого издевательства и вступился

за страдальцев: «Что вы делаете? Зачем так издеваетесь над людьми, преследуете невинных старушек». Но не устыдились слов инока, а один из них, сержант Почаевской милиции Медяный накинулся на сторожа: «Я тебе покажу...», обзывая его бранными словами, давай колотить его по лицу и по всему телу; остальные расправлялись с богомольцами.

Это издевательство не прекратилось: и милиционер не был наказан, а наоборот, в скором времени КГБ отобрал паспорт сторожа и выписал из лавры, выселил из Почаева.

8 марта 1962 года вызывают в облисполком наместника лавры архимандрита Севастиана и арестовывают его, а в лавру приезжает большая группа офицеров КГБ и милиции из области: майоры Бочкарев, Дегтярев, Данилов, Корсаков и ряд других, совместно с почаевским начальством, капитанами Максимовым, Остапенко и др., забирают всю документацию в Почаевской лавре из Духовного собора, из бухгалтерии и казначейства и усиленно занимаются, как лучше им выселить монахов из лавры; но особо нового они ничего не придумали, а продолжали выселять теми же способами через медкомиссию, более интенсивно стали вызывать монахов в КГБ, ежедневно отбирая паспорта, выписывая и выгоняя из лавры. Тех, которые отстаивали свои права и не хотели выезжать после выписки, а продолжали жить в лавре, арестовывали и судили, как нарушителей паспортного режима. Из 140 монахов в этот период осталось только 36 человек, которые стали обслуживать лавру, совершать в ней богослужения, удовлетворять нужды гонимого христианского населения, но работники КГБ уже полностью стали распоряжаться в лавре. Максимов, Остапенко, Бочкарев и др. так и не выходили из лавры, неотступно по-очереди, по пятам ходили за монахами, и выгоняли, выживали из лавры. Максимов имел уже множество ключей от лаврских замков, часто можно было видеть, как Максимов самостоятельно отпирает входные двери на экономии или входные двери в общежитие лавры из храма. Остапенко несколько раз заставляли в помещении Духовного собора, так что они и туда имели ключи, и от всех ответственных мест в лавре уже были ключи в руках работников КГБ, Максимова и Остапенко.

Они проникали и в кельи; были случаи: приходит монах из храма после богослужения, а его келья опечатана печатями КГБ, Остапенко или Максимов ночью требуют туда явиться. Путем такого хозяйничанья Максимов изъяс все книги из библиотеки, относящиеся к истории Почаевской лавры, и другие, которые его

интересовали, многие ценные вещи перекочевали в музей атеизма и т. д. Поэтому в КГБ появились все книги религиозного содержания, и когда КГБ (Максимов, Бочкарев и др.) вызывали монахов к себе на издевательства, то они плюс к этому прочитывали монахам наставления, делали отдельные выборки из священного писания, которые можно было использовать в свою сторону. Например: часто Бочкарев зачитывал цитату из апостола Павла «всяка власть от Бога» или же из святоотеческих творений монахов о послушании, и требовал, что, дескать, нужно оказывать послушание представителям власти и уходить из монастыря, но сам Бочкарев не смущался, что они воровским способом приобрели эти книги, из которых зачитывает, оправдывая свои поступки и требования. Если все же монахи добивались, на каком основании вы гоните нас, покажите нам постановление или приказ правительства, что Почаевская лавра закрывается, то работники КГБ отвечали, что они этого не покажут, что у них есть приказ по партийной линии, что это относится к их секретным распоряжениям, но они — представители правительства и им нужно подчиняться.

За весь период гонений местная печать тоже не оставляла монахов, специальные работники КГБ так и составляли всякие измышления на монахов, в частности, на руководителя лавры архимандрита Севастиана, фабриковались статьи от имени бывшего послушника лавры Иосифа Байдука, который находился на службе в Советской армии, приписали ему, что он 10 лет жил в Почаевской лавре, а теперь отказывается от религии, порывает с лаврой и обливает грязью насельников ее. Хотя фактически он ничего не писал, остался при своих религиозных убеждениях, по демобилизации написал протест — возмущение на фабрикацию от его имени фальшивок. В лавре он жил только десять дней, но желал бы возвратиться в число ее насельников. Против Байдука тогда предприняли ряд репрессий, его арестовали, доставили в Тернополь в КГБ, а оттуда отправили в город Винницу в психобольницу, сделали ему заключение больного. Печать выпустила в 1962 году брошюру Почаевского музея атеизма (директор Андриук) «Почаевский музей атеизма», в которой использовала прежние материалы на почве клеветы от имени Байдука и других анонимных авторов, плюс к этому Андриук называет число, что 69 монахов добровольно оставили лавру, и в списке перечисляет тех, которые принудительно выписаны органами КГБ, мобилизованы райвоенкоматами в военно-строительные отряды, а работников КГБ майоров Бочкарева, Дегтярева, Корсакова, ка-

питана Сириченко, Максимова, Остапенко и пр. называет всего лишь агитаторами, которые «провели разъяснительную работу в лавре». Но это особенно так задело за живое монахов, что они поклялись пусть лучше смерть, но они лавры не оставят.

Монахи научились уже на горьком опыте, что кто даст паспорт на проверку в КГБ, то получает его уже выписанным из лавры. Поэтому монахи отказались предъявлять паспорта, и на все действия КГБ отвечали, что из лавры никуда не уйдут. Как ни старались майор Максимов и его компания, что они ни делали с монахами: требовали писать объяснения, составляли лживые акты неподчинения, закрывали в камеру предварительного заключения на сутки и более, применяли физическое насилие, побои, — монахи оставались тверды истине и своим идеалам, и никуда не уходили из лавры. Поэтому они придумали еще один способ расправы с монахами: предварительно более сильных в духовном отношении они посадили в тюрьму, некоторых в психбольницу, как особенно яркий пример с игуменом Иосифом Головатюк.

Иосиф игумен, престарелый старец в возрасте семидесяти лет, всю жизнь подвизался в лавре (более сорока лет), не хотел уходить из лавры, сколько его ни терзали; хотел дожить свои дни в лавре. К нему в келью пришли шестнадцать человек из КГБ и милиции, вцепились в старца и потащили из лавры; кто схватил за руки, а кто за ноги, один схватил за воротник и так зажал горло, что он остался еле жив, так как совершенно не мог дышать — это такой прием, чтобы не кричал. Тут же возле лавры была подогнана машина «скорая помощь», в которую сунули Иосифа и в сопровождении двух работников КГБ доставили в гор. Буданов в психобольницу и бросили совершенно здорового человека к больным. Но на этом не окончилось: его постригли, побрили, и каждый день насильно вводили какие-то уколы в очень большой дозе. От этих уколов все тело, особенно ноги, распухли, сделались как колоды, кожа чуть не трескалась от жидкости, которую врачи продолжали вливать каждый день, и так продолжалось длительное время. Только по ходатайству родных и по обширным протестам верующих его через шесть месяцев отпустили к племяннику в село Малая Иловица Шумского района, Тернопольской области, с тем условием, чтобы в лавре больше не появлялся, а в противном случае прежний прием повторится, т. е. обратно посадят в психобольницу.

За игуменом Иосифом продолжали расправу над монахами: первого сентября 1962 года в Почаев была собрана вся милиция

из Тернопольской области и соседних областей во главе с председателем КГБ области, которые устроили расправу над монахами. Особенной жестокостью отличался полковник Кириченко, зам. управляющего КГБ по Тернопольской области, брат Председателя Президиума Верховного Совета УССР. Они окружили лавру, не пустили никого из паломников и прихожан, подогнали пять грузовых машин и начали расправу над монахами. В послеобеденное время большая группа КГБ и милиции появляется в общегититии лавры со специальным заданием, кому кого брать, по пять-шесть человек было распределено на одного монаха. Они прибыл к кельям; если кто не пожелал их впустить, то они выламывали двери и насильно под руки выводили монаха, грузили его на автомашину, потом выносили его пожитки и вывозили из лавры, а с теми, кто открыл им двери, происходила та же самая картина: они объявляли, что с сегодняшнего дня вы больше в лавре жить не будете, пойдете с нами, и поступали так же: грузили на автомашины и вывозили. Распределено было вывозить примерно по месту рождения к родным, если они там существовали, а если нет, то в ту область, где родился, а кто не хотел, иди куда хочешь. 1 сентября 1962 г. выпало на субботу, и работники КГБ не смогли за один день развезти всех остающихся в лавре монахов за разбросанностью их месторождения, т. к. здесь собрались из разных областей Украины, России, Белоруссии; поэтому часть монахов ждала той же участи до понедельника третьего сентября. Но ведь из Лавры выходить никому не хотелось, все монахи оставили все в мире и посвятили свою жизнь этому служению, поэтому они предприняли последнее прибежище: остались в храме на молитве, позакрыв все двери на замки. Когда отряды КГБ и милиции снова оцепили лавру, они не могли никак проникнуть в храмы, предварительно считая, что монахи в это время должны находиться в кельях (послеобеденный перерыв), а поэтому распределились по кельям, но, поскольку им никто не открывал, они поразламывали многие кельи, некоторые пооткрывали своими ключами, но монахов там не нашли. Тогда работники КГБ догадались, что монахи остались в храме и закрылись. Они стали добираться в храмы, но кроме основных замков, двери в храм были закрыты изнутри крючками и задвижками, так что все попытки работников КГБ и милиции открыть храмы оказались безуспешными. Двери сделаны довольно прочно, кованные железом, так что простым орудиям нелегко поддавались, и КГБ никак не могли проникнуть внутрь храма. Наконец они предприняли такой при-

ем: со второго этажа братского корпуса, с левой стороны, к храму примыкает вход, ведущий в помещение библиотеки лавры, которое расположено рядом с алтарем, над пономаркой, и с которого можно слушать богослужение и смотреть в храм, так как оно связано тремя большими проемами и представляет собой подобие боковых хоров. Проемы эти закрыты только фанерой, и вот сюда-то и направили свои усилия работники КГБ и милиции. Входные двери в библиотеку выломали, а перегородки имели тоже двери, которые закрывались изнутри только на крючки, поэтому работники КГБ сверху могли хорошо осмотреть храм; но библиотека на втором этаже примыкает к алтарю довольно высоко, и для того, чтобы спуститься вниз, работники КГБ принесли веревки и по ним начали спускаться в алтарь. В алтаре стоял архимандрит Самуил, на него прямо опускался капитан Сириченко, рядом Максимов и т. д. Самуил перепугался и стоял как столб, и не мог вымолвить ни слова. Они накинулись на старца и повели его к выходу. Остальные монахи кинулись врассыпную по храму, кто куда. Работники КГБ, разъяренные тем, что им пришлось приложить столько усилий, чтобы проникнуть в храм, всю свою ярость излили на невинных монахов: хватали их за волосы и бороды, крутили руки, били в бока и тащили на внутренний двор, куда снова были подогнаны машины. Так переловили в храме всех монахов, особенно никак не могли найти иеромонаха Валерия Матковского. Он, когда услышал, что КГБ через библиотеку проникает в храм, залез в маленький ящик, где он продавал свечи. Обыскивали весь храм, а Валерия не могли найти. Но Максимов, придя к свечному ящику, заметил, что надо хорошо искать здесь, так как он продавал свечи. Максимов сам лично стал открывать ящик и обнаружил иеромонаха Валерия и начал вытаскивать его. В таком положении Валерий просидел около часа и у него все суставы одеревенели, он не мог хорошо идти, а его всю дорогу подгонял ударами в спину и бока начальник Почаевского штаба народных дружин Максимюк. Таким образом КГБ расправился с монахами Почаевской лавры. Эту партию монахов они не стали везти по месту рождения, а вывезли в город Дубно Ровенской области на железнодорожный вокзал и приказали всем покупать билеты и ехать по месту рождения. Здесь неотступно стояли и смотрели работники КГБ.

Христиане не остались безразличными к этому, они свои немощные усилия направили на защиту гонимого братства лавры. И вот, когда милиция окружила лавру, собравшимся христианам

удалось прорваться через милицейские посты у Святых ворот и приблизиться непосредственно к Братскому корпусу лавры, который был закрыт, а внутри уже хозяйничали КГБ и милиция. Христиане направились с тыловой стороны к воротам хозяйственного двора лавры, куда перед этим загнали пять грузовых автомашин органы советской власти для вывозки монахов. Двери оказались заперты и изнутри охранялись милицией. Христиане стали кричать и стучать в дверь, но при вывозке уже были предусмотрены всевозможные варианты. Для разгона христиан у них стояла недалеко пожарная автомашина под командой ст. лейтенанта Лысака; он сразу скомандовал пожарникам приблизиться к воротам и направить струи воды на толпу. Водой, перемешанной с грязью, пожарники стали усиленно поливать людей. Измученные, обмокшие до ниточки, христиане кинулись в стороны и сгруппировались у парадного входа в общежитие лавры. Здесь, недалеко под окнами, стояла тяжелая дубовая скамейка. Христиане схватили ее и начали ударять в филенку ворот. Под непрерывными интенсивными ударами нижняя филенка с правой стороны подавалась, треснула и полностью выскочила, образовав солидное отверстие через которое христиане стали проникать в корпус. Здесь у двери стоял милиционер. От таких действий христиан он перепугался, а христиане по коридору двинулись к хозяйственному двору, но они опоздали: как раз перед этим угоняли последнего монаха. Милиция же, заметив, что на них нападают христиане, в ярости накинута на них со словами: «Бей их...» Ст. сержант Прокопчук, старшина Коцюба, Медяный, ст. л-ты Борейко, Юрчак и пр. стали кидать христиан об стены, колотить каблуками, а тем временем через хоздвор вывозить монахов. Христиане от напора милиции снова разбежались. Часть милиция захватила и предала аресту многих избитых отправили в Почаевскую больницу. Очень старался расправляться с христианами старшина Коцюба, он избил Ярош Марию до полусмерти, накинута на Савенков Агафью, кричал: «Бейте ее, это поповская дочка», и долго ловил и преследовал христиан.

В этот день в лавре остались только монахи, которые состояли на руководящих постах: исполняющий обязанности наместника лавры игумен Варфоломей (Бабяк), благочинный лавры игумен Владислав, бухгалтер лавры игумен Калинин, несколько престарелых старцев, которых начальник Почаевского КГБ Максимов обещал очередным рейсом вывезти в дом инвалидов, а руководство лавры должно все имущество передать гражданским властям,

и, таким образом, с Почаевской лаврой покончено. Но не так вышло, как планировали в КГБ Максимов и прочие. К их удивлению, вывезенные ими монахи на следующий день снова появились в лавре; тогда их снова начали хватать и повторно вывозить; монахи снова и снова возвращались на свое место в лавру. Монахов тогда забирали в милицию, закрывали в КПЗ, всячески издеваясь и обещая судить, если не выедут из лавры и из Почаева. Несмотря на такие трудные условия, богослужение в лавре не прекращалось. Монахи круглосуточно стали пребывать в храме, не имея никакой возможности выйти, так как во всех дворах дежурили КГБ и милиция, чтобы схватить их. Входили в храмы, гонялись за монахами, и даже заскакивали в алтарь, попирали всякие нормы человечности и уважения к религиозным чувствам верующих.

Три монаха, Алипий Шинкарук, Кассиан Негодюк и Исаия Ямкин, описали издевательства и обратились с жалобами в Москву, к Святейшему патриарху Алексию, в Совет по делам русской православной церкви, к Куроедову при Совете Министров СССР, к Генеральному Прокурору СССР Руденко. Миссия их большого успеха не имела, так как Святейший патриарх — бесправный, сам приемов не делает, а его канцелярия только сожалела. В совете по делам РПЦ монахов принимал начальник отдела Плеханов и два инспектора, которые отказались назвать свои имена, но с яростью накинулись на монахов: «Вы клеветаете на советскую власть, будем вас привлекать к уголовной ответственности». «Мы не стали бы вас беспокоить, но нам не дают жизни, за ними по пятам ходят КГБ и милиция Тарнополя и Почаева, нас повыкидывали на улицу и повывозили, побросав на дороге, ведь мы монахи, служители Церкви, связаны с Почаевской лаврой обетами при постриге. Местный КГБ чинит насилие». Плеханов тогда повернул свою тактику в сторону неправильного оформления жалобы: «Что вы расписываетесь за всех, пишите за себя, что вы указываете на Иосифа, что его забрали в психбольницу. Вы знаете, что он там в лавре делает, он народ лечит. Какое он имеет право лечить? У него нет медицинского образования, его судить надо». Монахи извинились: «Извините, конечно, мы не имеем юридического образования и не знаем, какой вид должна иметь жалоба, мы в простоте сердца изложили, что в Почаеве произошло, что над нами издеваются и нам не дают жить. Монахов мы перечислили по именам для большей ясности, в том числе и старца игумена Иосифа, а что он лечит людей, мы этого не касались; но если вас это воз-

мушает, то можно подметить, что действительно он не имеет медицинского образования, но он отличный костоправ, лучше образованных, и никому вреда не принес, а многие его благодарят за помощь, почему он и заслуживает уважения в народе. Мы можем написать в форме, как вы прикажете». Плеханов кинул жалобу монахов в ящик стола, их отвел в пустую комнату, рассадил отдельно, дав бумаги и чернил — пишите. Монахи снова выложили свое горе, так как у них это уже вошло в практику: приезжает из деревни несколько старушек с жалобой, что местные власти закрыли церковь, просят открыть. Куроедовы поиздеваются, мол, зачем вам, бабки, церковь, вы в кино ходите, в клуб на танцы, зачем вам молиться, а потом скажут, что жалоба неправильная, садитесь, пишите другую, а бабки не умеют писать. Тогда и начнут их ругать, — кто там вас посылает, зачем вы клеветой занимаетесь, власть на местах поступает правильно, вы больше не ездите. Ваша церковь снята с регистрации и кончено.

Но монахов такой прием не удовлетворил, хотя Плеханов и принял жалобу и в конце концов пообещал, что мол, разберемся; но им жить негде, их гонят, за ними постоянно милиция ходит, то и дело смотри арестуют. Они пошли к Генеральному Прокурору СССР Руденко, но и здесь их ожидал подобный прием. Принимал их старший советник юстиции Таран. Правда, он уже не сделал вида, что это клевета, он не усомнился, что местная власть так поступает, только подметил другому работнику юстиции, что они перехватили немножко, нужно так делать, чтобы жалоб не было, а монахам стал разъяснять, что они идут в коммунизм, монастырей не будет, так что жалоба ваша не основательна, и советовал совсем отказаться от религии, говоря: «Вы еще молоды, зачем вам быть монахами, с религией скоро будет покончено, знайте, что Алексей последний патриарх, больше у вас патриарха не будет». Монахи терпели-терпели, а потом и говорят: что вы нам агитацию читаете, что будет — будем видеть, а сейчас над нами издеваются, вы принимаете нас, как граждан, почему ваши организации причиняют насилие, где ж гражданские свободы. В конце концов Таран обещает разобраться: «Завтра я свяжусь с Тарнополем, приходите в 15 часов, я передам вам результат». На следующий день Таран отвечает, что связывался по телефону с Тарнополем и разговаривал с прокурором по надзору по Тарнопольской области Параскевичем, так тот разводит руками, ему ничего такого неизвестно, там только в Почаеве, мол, разъяснительная работа производится и агитация, больше ника-

ких насилий нет. Таран от себя добавляет, что я ничего не могу вам ответить на вашу жалобу.

Так монахи ни с чем вынуждены были возвратиться назад в лавру. Здесь все уже стало известно, так и ходили за этими монахами, что дерзнули жаловаться. Их сразу вызвали к местному прокурору Щербатому. Прокурор Щербатый заявляет, что ему поручено разобраться с жалобой и зачем вы жаловались? Вы тунеядцы, мы вас вывезли и пустили свободно, а вы снова приехали, теперь мы вас отправим на высылку, дадим вам пять лет принудительных работ, будете помнить, как жаловаться. А теперь вам подпись, пять суток срока, — если не выедете из Почаева, то поедете на высылку. Следом прокурор вызвал и других вывезенных монахов, которым приказывал тоже выезжать из Почаева, и через которых напоминал, чтобы немедленно выезжали те, которые ездили в Москву, а то арестуем. Они признали, что неудачно получилось, что выбросили монахов совсем на улицу, нужно дать им какие-либо места для жительства; всячески стараться отправить монахов в деревни на приходско-пастырскую службу, а не имеющих сана, уполномоченный разрешил рукоположить, только чтобы отправить из лавры.

Вывозка, как видим, производилась очень поспешно, при вывозе монахов обыскивали, отнимали паспорта, и тут же, на ходу, начальник паспортного стола капитан Белик выписывал, но часть монахов предусмотрела этот прием и не желала отдавать паспорта и выписываться, предварительно их попрятали, паспорта не могли найти при вывозе, и таким образом у монахов осталась в паспорте Почаевская прописка. Тех, у которых сохранилась почаевская лаврская прописка, после жалоб и протестов мирового общественного мнения, после неоднократных попыток как-либо выжить из лавры, органы местной власти пока оставили. Таким образом произошло как бы восстановление их в лавре, но большая часть была выписана, и получилось, что в лавре стала проживать большая группа монахов с отобранной пропиской, к которым органы местной власти продолжали применять всякие репрессии, чтобы выселить их из лавры. Несмотря на то, что они на словах признали, что поступили неправильно, они восстановить монахов никак не хотели, а применяли снова репрессивные меры: участились вызовы монахов в милицию, КГБ, прокурору, установили административные комиссии специально для выселения людей из Почаева, составляли подписки на выезд, которых монахи не подписывали, и тогда призывали двух своих работников дружинников, которые

подписывали, как свидетели, за монахов «подписка о выезде из Почаева», а потом выступали на суде, когда судили монахов за «нарушение паспортного режима». Монахов почти ежемесячно штрафовали за то, что они живут в лавре и не выезжают, по десяти рублей каждый раз. И таким образом не давали монахам жить в лавре.

В лавру также возвращались монахи, ранее судимые, по отбытии срока заключения, не возвратился только из тюрьмы монах Григорий Уну, молодой инок 1937 года рождения, из Молдавии, он раньше там состоял в одном из монастырей. Мать его получает телеграмму от администрации тюрьмы из г. Чертовка, где размещена Тарнопольская обл. тюрьма и где находился под следствием Григорий, что ее сын «скоропостижно скончался», чтобы приехала забрать тело (следственных они отдают родным). Мать забрала останки своего любимого сына-мученика. Хотя тело мертвое и молчало, но все же оно оставило много заметных знаков, все тело было в синяках, одежда рваная и с боку насквозь прорвана. Раньше он никаких физических недугов не имел, был замучен в цветущем возрасте 25 лет отроду. Вечная память ему.

Вернувшимся из тюрьмы монахам КГБ и милиция прописки не восстановили, даже разговаривать не стали — «немедленно выезжайте из Почаева, 24 часа вам сроку, вот подписка, а в противном случае будем повторно судить. Вы отчислены не только нами из лавры, а на вас есть указ епископа Львовского и Тарнопольского Григория, что вы не числитесь в лавре», — так твердили работники КГБ и милиции и уполномоченные по церковным делам начальники из райисполкома и т. д.

Да, указ епископа существовал, но издан он был по приказанию уполномоченного. Епископ не имеет никакого права, а всем руководит уполномоченный. Уполномоченный (чиновник-атеист) командует церковью, вся власть в его руках. Архиерей только может дать указ на назначение священника, его перевод и т. д., по указу уполномоченного. Архиерей ничего не может самостоятельно сделать — все делает уполномоченный. Вот он и приказал дать указ на монахов. Был один выход: дать указ на монахов или уполномоченный через Совет по делам РПЦ снимет епископа Григория с кафедры. Епископ избрал первое в угоду уполномоченному. Духовный Собор лавры не замедлил опротестовать такой указ, противоречащий человеческой совести и канонам церкви, а по возвращении из тюрьмы, когда сняли упол-

номоченного по Тернопольской области Коломацкого, Святейший патриарх, рассмотрев жалобу Почаевских монахов, приказал епископу Григорию аннулировать свой указ. Святейший патриарх Алексей выдал подтверждение, что монахи законно возвращаются из тюрьмы в монастырь и направляются на жительство в Почаевскую лавру. Кажется, чего более надо, Патриархия ходатайствует о восстановлении прописки монахам, епископ отменил указ, остается только восстановить прописку, и все будет в порядке. Но им указ не нужен, они только там на него ссылались, поэтому они никакого внимания не обратили на направление Святейшего патриарха, а продолжали гнать монахов из лавры. Монахи обратились в Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР (т. Куроедову) и к Хрущеву, Микояну, Брежневу, во все правительственные организации, но нигде не получили определенного ответа, а лишь обычная отписка: «Жалоба рассмотрена и направлена в Тернополь в облисполком для вынесения решения», а оттуда по-прежнему сигнал: выезжайте, ибо снова будем судить, и некоторых судили повторно. Монахи еще несколько раз обращались в Совет по делам русской православной церкви при СМ СССР Куроедову.

В 1963 году принимал делегацию монахов Почаевской лавры Казызаев, он в конце концов соглашался, что, дескать, ваши права нарушили, что нужно что-то сделать, нужно разобраться в вашем вопросе, и в заключение дал такой ответ: «Я приеду в Почаев и на месте разберемся». Действительно, в скором времени Казызаев прибыл в Тернополь, из Тернополя в Почаев, а потом во Львов, но ничего не сделал, прописки монахам не восстановили, а наоборот, в лавре Казызаев накинудся на иеромонаха Никона, благочинного лавры, почему он разрешает жить в лавре непрописанным монахам да плюс к этому ходатайствует о восстановлении прописки. Кроме Казызаева, в Почаев приезжал и сам Куроедов и ряд других работников его кабинета, но отнюдь не с той целью, чтобы восстановить нарушенные права монахов Почаевской лавры, а чтобы найти лучшие методы выселить их из лавры, чтобы покончить с монахами. Поэтому, несмотря на неоднократные посещения высокопоставленных лиц из Киева и Москвы, тучи над монастырем в Почаеве сгущались. Работниками КГБ и милицией, дружинниками обыскивается каждый человек, входящий в лавру, если он имеет какие-либо вещи. С этой целью КГБ и милиция постоянно дежурят на автобусной станции, на всех подходах к лавре, и приезжающих в лавру людей подбирают

там в милицию, обыскивают, отбирают ценности и продукты питания, которые они везли в лавру, а самих под арестом отправляют назад на станцию с предупреждением, что если вернуться назад, то будут привлечены к уголовной ответственности.

В лавру не пропускают ни одной машины, не допускают доставки и покупки топлива, даже на собственной лаврской повозке не давали монахам выезжать, а если выедут, то арестовывали и отбирали. Что монахи везли в лавру, преследовали и предупреждали, чтобы монахам ничего не продавали в магазинах и частные лица, принимают все меры к тому, чтобы выселить монахов. В первую очередь страдают те монахи, у которых отобрали ранее прописку и которые возвратились из тюрьмы. За ними полиция постоянно устраивала погоню, вызывала в КГБ, брали в сельсовет на административные комиссии, собирали в лавре в расположении Духовного собора, в комнатах наместника лавры, трапезной, ходили по кельям и т. д., т. е. выживали при помощи своего начальствующего служебного положения. Каждый раз разговор сопровождался грубой бранью, издевательствами и заканчивался немедленной подпиской о выезде из Почаева и штрафом на десять рублей с каждого человека. Религиозные чувства, права и желания во внимание не принимались, о свободе вероисповедания и речи быть не могло.

Вот как выглядели постоянные приемы КГБ и милиции в Почаеве: «20 февраля 1963 года большая группа работников КГБ и милиции с дружинниками вскоре после богослужения появилась под дверьми в Почаевской лавре. Сразу они подошли к храму, где совершалось богослужение. Невдалеке стояла машина «Черный ворон», которую они сюда подогнали. На дворе, около храма, расположились богомольцы, прямо на цементе, несмотря на зимний период; там они надеялись провести время до начала богослужения, боясь оторваться от храма, так как в городе, при входе в расположение лавры, милиция постоянно забирала людей, а по квартирам в Почаеве не пускают богомольцев по той же причине, что постоянно беспокоят работники милиции и КГБ и штрафуют людей, и высылают из Почаева, — и они посчитали, что при храме самый удобный способ провести день в молитве. Но и здесь, как видим, им не пришлось наслаждаться богослужениями в лавре. Работники милиции стали хватать паломников за руки и за ноги, сажать в «воронок»; часть паломников, кто сумел, кинулись враспынную, кто куда. Когда эти «блюстители порядка» расправились с паломниками, сразу же принялись за монахов. Пер-

выми сумели захватить иеродиакона лавры Исаяю (Ямкина), который делал уборку в храме и в этот момент вынес воду во двор; его захватили и насильно потащили в милицию. Дальше стали рваться в корпус, усиленно стучать в дверь в общежитие лавры. Дежурный монах, слыша их угрозы, открыл им дверь, все они рассыпались по коридорам лавры в погоне за монахами, у которых отобрана подписка. Сразу захватили старичка монаха Д. Еремичева, потом прошли в расположение наместника лавры, куда собрали монахов, долго их ругали, неотступно требовали выезда из лавры, составили подписки о выезде из Почаева и оштрафовали по десять рублей каждого. Так повторилось и 23/II - 63 г., и почти каждый день приносил монахам ту или иную неприятность; каждый день применяли всевозможные насилия над лаврой, верующим населением, паломниками и монахами. То гонят монахов, то судят, то вывозят, то планируют отобрать корпус общежития, где живут монахи, то отбирают вспомогательные здания, отбирают механизмы и машины строительные и ремонтные материалы и т. д.; то снова вызывают монахов в КГБ и милицию, отбирают прописку и штрафуют, то повторно судят. Как видно, монахи не приобретали что-то особое, а только предметы первой необходимости, пользовались исключительно своим транспортом и своими лошадьми, которых не отобрали органы местной власти, и то наткнулись на такие преследования: 30 сентября 1963 года эконо лавры иеродиакон Роман договорился с одним хозяином в Почаеве купить яблок. Под вечер он взял свою повозку и выехал из лавры, милиция пропустила, но, по всей вероятности, не оставила дальнейших наблюдений. Когда иеродиакон Роман возвращался с яблоками, к нему применили такое издевательство: будучи уже на подъеме, он заметил подскочившего к нему начальника Почаевского штаба дружинников Максимюка; тот схватил вожжи и кричит: давай заворачивай в отделение милиции. На крутом подъеме невозможно развернуться и вообще остановиться, ибо может произойти катастрофа (может Максимюк этого и хотел), поэтому иеродиакон не остановился, а наоборот натянул вожжи и ударил лошадей, те энергичнее выбрались на горку, оставив позади Максимюка. Но тот, совместно со старшиной милиции Кацубой, уже у въезда во двор лавры снова схватили вожжи и вскочили в повозку, сами развернули лошадей и угнали в отделение милиции, т. е. арестовали. Продержали до следующего дня, а на следующий день вызывали руководителей лавры и того хозяина, у которого покупали яблоки. Хозяина допросили и строго-настрого наказали, чтобы ничего монахам не продавал и ябло-

ки свои взял обратно. Под давлением хозяин согласился взять яблоки обратно и вышел во двор, где была повозка с яблоками, посмотрел на них и ахнул: «Да их уж и половины нет, смотрите, что из них осталось. Я их домой не повезу, выгрузу здесь, пусть уже все пропадают». Оказывается, работники милиции за этот период растащили половину яблок, купленных лаврским представителем. Хозяину — продавцу пригрозили, чтобы он молчал, забирал свои яблоки, а то ты знаешь, мол, с кем разговариваешь. Яблоки твои пропали? Мы дадим тебе яблоки, что ты и света не взвидишь. Хозяин молча сел в повозку и повез яблоки по направлению к дому, но обвез вокруг лавры и задним ходом вывез опять в лавру. К счастью милиция удовлетворилась прежним издевательством и не проследила, куда отвез хозяин свои яблоки, но часть их так и пропала безвозмездно. Такие приемы издеательства над монахами продолжались все время. Монахи пытались достать дров, так как весь запас был на исходе. Их представитель, иеродиакон Иосиф Балышев, закупил в соседней Львовской области несколько десятков кубометров и желал доставить в лавру. Там продали, машины Балышев нанял в Дубенской автоколонне Ровенской области. Когда две машины, груженные лесом, подъезжали к лавре, они опять были задержаны милицией. Шофера, решившегося доставить топливо в лавру, лишили прав, даже не постеснялись этот эпизод, хотя и в извращенном смысле, отобразить в статье в своей печати. В журнале «Крокодил» появилась статья Надеина В. «Похитители теплоты» (№ 6 от 29 февраля 1964 г. 1728). У людей, что несли в лавру продукты, их тоже отбирали, не пускали в лавру. Верующие христиане из Молдавии собрали муки и продуктов, закупили контейнер и отправили со своим представителем в адрес Почаевской лавры. На ст. Тарнополь контейнер был задержан, разгружен и забран. Представителя верующих власти три месяца держали под стражей. Таких примеров было много: тех же молдаван, привезших продукты из Молдавии на грузовом такси, в Почаеве задерживают, а продукты пускают через магазин, а молдаван предупреждают, что только появитесь в Почаеве, попадете тогда в тюрьму. При таких условиях монахи вынуждены были жить как приходится на своих старых запасах. Но запасы зерна в лавре имелись, а вот муки требовалось приготовить.

22 октября 1963 г. тот же лаврский иеродиакон Роман наложил воз зерна и отправился с Будки на мельницу. К вечеру он уже возвращался домой с готовой мукой. Когда он начал въез-

жать на территорию лавры, на подъеме к Святым воротам его встретил сам прокурор Почаева П. Щербатый; он выгнал свою машину, поставил ее поперек дороги и таким образом перегородил путь к лавре. Это было уже совсем на подъеме, а телега не имеет тормозов и на подъеме без специальных приспособлений стоять не может, поэтому она постепенно стала катиться назад вниз, увлекая за собой лошадей; Роман старался не потерять управление, выправлял как нужно лошадей и на ходу спрашивал здесь же участкового Почаева ст. л-та Гордеева, что от него хотят. Тот переспросил, что он везет, потребовал документы. Роман на ходу вручил квитанцию за помол и объяснил, что мука из собственного лаврского зерна, которое выращено еще самими монахами, когда в их распоряжении было подсобное хозяйство и участок поля, т. е. до 1960 г. Участковый с прокурором этих сведений слушать не хотели, квитанциями не удовлетворились, а приказали следовать в отделение милиции. Оставив муку и лошадей в отделении милиции, Роман быстро прибыл в лавру и доложил Духовному собору о случившемся. Весь состав Духовного собора в количестве шести человек пошли в милицию. Это происходило в субботу, как раз народ шел в храм на «Всенощную», и многие поинтересовались, что делают монахам. Таким образом, возле отделения милиции стала собираться толпа народа. Увидев это, начальник милиции майор Белошкурский дал команду своим «молодчикам» разогнать народ, и, в свою очередь, не стал отбирать муку, и отпустил вскоре повозку, но, так или иначе, причинив много беспокойства монахам.

Таким образом, нельзя было и разу проехать или выехать из лавры без задержки и издевательств со стороны органов местной власти. Если продукты и материалы куплены были в государственных магазинах в большом количестве, то все отбирали; кто что-нибудь продал монахам — того привлекали к ответственности, ссылаясь на условия, что в одни руки могут дать только 0,5 кг., и вообще все продавцы магазинов были проинформированы так, чтобы лавре ничего не продавали.

Не только транспорт задерживали въезжающий или выезжающий в лавру или назад, задерживали всякого человека, который имел вещи, и периодами вообще никого не пускали в лавру. Особенно стали преследовать ранее выписанных монахов, так как они жаловались в высшие органы советской власти.

5 ноября 1963 г. в г. Броды сняли с автобуса монаха Почаевской лавры Андрея Щур, который ехал в Москву с жалобами

и просьбами о восстановлении его прописки в Почаевской лавре, изъяли у него прошение, а самого осудили на три года тюремного заключения: «будешь знать, как жаловаться».

22 января 1964 г. и. о. наместник Почаевской лавры игумен Варфоломей обрадовал монахов «милостью». Он сказал, что всех непрописанных монахов вызывают в Почаевское ПОМ, будут восстанавливать прописку. Монахи по зову наместника быстро собрались и пошли в отделение милиции. Начальник паспортного стола капитан милиции Белик выдал бланки на прописку и на получение паспортов вернувшимся из тюрьмы. Они сели и стали заполнять бланки. Когда они заполняли, милиция тем временем подогнала «воронок» и арестовала трех монахов: игумена Вячеслава Пасман, иеромонаха Дионисия Команюк и иеродиакона Аеплия Станкевич. Таким образом, вместо восстановления нарушенных прав монахам повторно восстановили «тюремное заключение», снова осудив монахов по ст. 196 УК СССР «за нарушение паспортного режима». Кто же нарушает? Где же должен жить монах? Только в монастыре... Но прописки восстанавливать не хотят, а применяют насилие, судят за то, что монахи желают до конца дней своих жить в монастыре. Несмотря на то, что троих снова арестовали, большое количество монахов продолжало жить в лавре без прописки, в то же время продолжая просить о восстановлении. В Почаеве такие прошения встречали новыми требованиями дать подписку о выезде из Почаева, штрафами и обещаниями отдать под суд, если не оставите лавры. Как видим, закон об отделении церкви от государства совершенно погран, на практике его полностью уничтожили, в лавре творят, что хотят, о соблюдении его нет даже речи.

Приведем достоверные факты: Гжевская, Марфа Антоновна, молодая девушка 1931 г. рождения, посвятила себя подвигу девства и проживала в Почаеве, работала там на разных работах; проживала в Почаеве с 1956 г. В последнее время, в 1962 г. за постоянное молитвенное посещение храмов лавры была выписана из Почаева, но продолжала праздничные дни проводить там на молитве. Почаевская милиция и дружинники неоднократно забирали Марфу в отделение милиции, выселяли из Почаева. На праздник «Вознесения Христова» в 1964 г. Марфа снова пришла на молитву в лавру и хотела пробыть в Почаеве до праздника «Святой Троицы»; поэтому днем она находилась в лавре на молитве, а на ночь уходила к знакомой женщине Анастасии Релига, проживающей Плетенка 10, и у нее на чердаке прятались на ночь. Когда разо-

шелся немного после «Вознесения» народ, оставшихся милиция стала репрессировать всякими методами, применяя террор, под какой попала и Марфа, и мученически пострадала от Почаевского КГБ. Белик и Гордеев со своей бригадой милиционеров и дружинников неустанно трудились, выслеживая богомольцев и проверяя христиан в Почаеве. 12 июня 1964 г. вечером они пришли в дом к Религе Анастасии, сделали обыск и на чердаке нашли Марфу. Белик распорядился расправиться с ней так, чтобы она больше не захотела молиться в Почаеве. Милиционеры бесчеловечно схватили Марфу и бросили вниз с чердака. Дальше потащили из квартиры, припугнув хозяйку. Оттащили Марфу в сад, осквернили ее девическое тело и полу-живую притащили к дороге и так бросили. На второй день Марфу увидели жители и увезли в больницу, она была уже без сознания и вскоре умерла в больнице. На смерть Марфы приезжала ее мать, проживающая в г. Березники Пермской области, поплакала, поскорбела, пыталась для блага других христиан обжаловать виновных, но, по указанию милиции, врачи поставили Марфе «диагноз» — острое заболевание легких и скрыли преступление виновных, а с матери взяли подписку о немедленном выезде из Почаева, и она со слезами на глазах: «Суди их Бог», уехала домой. Подобным образом убили в Почаеве Токмакову Лидию, прож. на ул. Липовой, которая постоянно восхваляла Господа, пела ночные службы в лавре. Так расправлялась милиция с христианами, усердствовавшими прославлять Бога своими талантами, украшать благолепие лавры своими голосами: милиция установила постоянную слежку за христианами в Почаеве, одних судили, других совсем сживали с лица земли. Милиция всегда организовывала слежку за христианами в праздничные дни, когда народ молится всю ночь в храме, милиция делает засады у отхожего места, кому ночью понадобится выйти — его перехватывают, тащат в помещение «штаб народной дружины» и там над христианами делают, что хотят: девушек насилуют, отнимают деньги, бьют до потери сознания. И так всю ночь рыскают у лавры, как звери, не уважают даже старости: ограбили и изнасиловали Морозову Марию Андреевну, старушку-монахиню, прожив. Москва, К-203, Нижняя Первомайская, 24, кв. 4; Герасимчук Марию Короленко Иустину.

11 ноября 1964 года уполномоченный Гладаревский снова в Почаеве и с ним целая свита работников из МООП (Министерство охраны общественного порядка), Тарнопольский уполномоченный по делам церкви Радченко и представители КГБ. Они

снова принимают меры против монахов лавры. Теперь Гладаревский лично руководит. В 1962 г. он только предварительно приезжал и давал советы, а теперь он прямо на месте сам взялся выгонять монахов. Несколько дней Гладаревский проводил в лавре, отказывая давление на новопоставленного наместника Августина (своего ставленника), ходил со своей бригадой по кельям, требовал от монахов, у которых отобрана прописка, оставить лавру, выгнал старичка игумена Калистрата и ряд других. Монахи в свою очередь просили, чтобы восстановили их права, восстановили прописку в лавре. Гладаревский на просьбы монахов высоким тоном властного человека говорил отказы, обзывая монахов «тунеядцами» и прочими эпитетами.

Вскоре Гладаревский полностью использовал свою власть: он приказал блокировать лавру, всех непрописанных монахов арестовывать и судить, а христиан, едущих молиться в лавру, заключать в психбольницу. С 20 ноября 1964 года снова в Почаевской лавре КГБ, милиция и дружинники арестовывают и судят монахов, ломают кельи, выставляют двери и хватают монахов, рыщут по церквям и по корпусу лавры. Арестовывают и судят: иеромонаха Валериана Поповича, иеромонаха Владимира Содатова, иеродиакона Гавриила Углицких; монаху Михаилу Лончакову по старости лет сделали «снисхождение» — вместо тюрьмы заключили в психбольницу. В эти дни в лавру пройти было невозможно, всех христиан подбирали в психбольницу, а оттуда распределяли и рассматривали: кого куда, некоторых отправили в тюрьму, других вывезли из Почаева и выпустили с условием, чтобы в Почаев больше не приезжали, других более ревностных содержали длительное время в психбольнице, насильно вводя уколы, вредные здоровью. Многих поотправляли в другие психбольницы: в Винницкую, в Буданов и т. д. В Почаеве стало тихо, еле слышно несколько монахов, которые уцелели от этого нападения. Многим монахам пришлось в довольно тяжелых условиях прятаться, чтобы избежать очередного ареста и заключения. Некоторые монахи сумели выбрать время и пройти через блокаду, и снова появиться в Москве с жалобами. Теперь жалобу составили по преимуществу все уцелевшие монахи, за исключением ставленника Гладаревского (Августина), ко всем представителям советской власти: председателю Президиума СССР А. И. Микояну (в то время он занимал этот пост), председателю Совета Министров, председателю Комитета по делам церкви при СМ СССР Куроедову и представителю своему церковному Священноначалию Свя-

тейшему патриарху Алексию. Представители лавры из пострадавших иеродиакон Алексей (Барановский) и монах Нестор Онук (у них повыламывали двери келий, но они там не находились, и таким образом, избежали ареста) обратились с этими жалобами к вышеозначенным государственным деятелям. В приемной Президиума монахи еле добились у девушки-регистраторши записи на прием. Принимал их Николаев. Минут пять уделил он времени на отказ, сказал, чтобы обращались к уполномоченным, хотя перед этим ему ответили, что обращались уже туда несколько раз. Николаев совсем отклонил жалобу монахов, не стал рассматривать и даже не принял. Что ж, монахи пошли в высший орган власти — в Правительство (Совет Министров), но туда без пропусков не пускают. На вопрос: «есть ли доступ простому народу в правительство?» регулировщик снова повторил, что нужен пропуск. А кто ведает пропусками? Он указал справочное. В справочном сначала ничего не ответили, а потом попросили подождать, мы позвоним, а наконец посоветовали лучше обратиться в приемную ЦК: здесь большая длинная очередь, у людей много вопросов, много обид и т. д. Каждый занят своим горем. Монахам удалось к концу рабочего дня попасть на прием. Принимал некто Нефедов. Он выслушал жалобу монахов и в ответ сказал от имени ЦК партии, что они одобряют **все** методы борьбы с религией, и ни в коем случае никогда не будут защищать, хотя бы этот метод и был несправедлив. Потом добавил: «По моему личному мнению все верующие являются психически ненормальными людьми и вполне естественно их отправляют в эти больницы», а **вообще наша цель — как можно быстрее ликвидировать религию**, пока еще частично терпим из-за политических соображений, а как наступит благоприятный политический момент — мы закроем не только ваш монастырь, а все церкви и монастыри». С таким ответом монахи вынуждены были отправиться восвояси и ждать милости Божией. Жалоба оставлена в Москве, в скором времени она пересылается в Тарнополь, в КГБ. Здесь КГБ проверяет подписи, вызывает монахов, ищет, кто писал, снова прорабатывают, а фактически уже не стало и кого прорабатывать, так как монахов насчитывается только 30 человек.

Многие монахи, не дожив своего времени, ушли в вечность, т. е. преждевременно умерли. Евлогий после терзаний умер вне лавры, тоже игумен Андрей и ряд других. Немало здоровья отобрали и у других, которые еще в живых остались, особенно у тех, которые до сего времени страдают без определенного место-

пребывания, которые за то, что желали жить в монастыре, не вышли из него, подвергались трехкратному тюремному заключению, отсидели по три срока за искусственно созданное преступление: «нарушение паспортного режима», в общей сложности по четыре года, и сейчас не имеют, где голову преклонить.

Начиная с момента второго погрома в Почаевской лавре (ноябрь - декабрь 1964 г.), часть выписанных монахов, которые избежали ареста, вынуждены были прятаться, что, конечно, отразилось на их здоровье. Поэтому они снова и снова пытались добиться справедливости через совет по делам религии при Совете Министров СССР (Куроедов); обращались несколько раз еще в Московскую Патриархию, чтобы высшая церковная власть исходатайствовала восстановление прописки, но так и до сего времени ничего не добились.

Правда, в Совете по делам религии Казызаев оказал «милость», подтвердил, что действительно властями Тарнополя нарушены ваши права, нужно что-то сделать, виновные, мол, «наказаны», а вы езжайте в Тарнополь и получайте документы, так как вернувшимся из тюрьмы власти отказываются выдать даже паспорта, и устраивайтесь.

Но нарушенных прав никто не восстановил и до сего времени, а вместо восстановления нарушенных прав Почаевская милиция продолжает преследовать монахов, верующее население, применяя грабеж, отнимая деньги. Всюду насилие, террор, в пьяном виде приходят в храм и устраивают дебош, совершению богослужений мешают. Так в ночь с 18 на 19 мая в память тезоименитства преподобного Иова, угодника Почаевского, сержант Почаевской милиции Медяный с дружинниками поднял такой дебош в Троицком соборе, что не дал читать акафист служащему иеромонаху. Он стал тянуть молодых богомольцев в милицию, но так как он был без формы, переодетый в гражданскую одежду, то никто не хотел ему подчиняться, да еще к тому он был в пьяном виде, так как от него очень тянуло хмельным. Он с дружинником Прокопчуком стал снать богомольца по имени Макария в милицию, а потом стали палками бить многих верующих, когда взволновался весь народ и стал обращать на него внимание, причем здесь были местные почаевские богомольцы и опознали их, назвав по именам. Они сказали, что ж вы делаете, где ваша совесть «блюститель порядка», представители власти, а так поступаете. Тогда, погрозив почаевским христианам, «мы вам покажем как в лавре молиться»,

он удалился из собора, но тут же на улице излил свою ярость на безвинном страннике Михайле. Он накинулся на него и давай колотить, так избил, что чистого места не осталось на лице, весь в синяках, странник истекал кровью, но так как он странник, вступить за него некому, то и этот поступок сержанта почаевской милиции никем не пресекается. Под утро сержант Медяный объяснил благочинному лавры: «В то, что я делаю, чтобы никто из монахов не вмешивался, так как я не от себя делаю, а меня посылают. Ночью я хотел забрать несколько человек, а мне монахи помешал». Да так поступает не один сержант Медяный, так поступает и начальник отделения милиции капитан Шемерда, начальник паспортного стола капитан Белик, старшина милиции Кочуба и весь состав милиции и дружинников. Днем они высматривают христиан, ночью применяют террор: в ночь с 15 на 16 июля 1965 г. милиционеры избивали христиан, которые приютились провести ночь на кладбище, так как по квартирам в Почаеве милиция категорически запрещает ночевать, репрессирует тех хозяев, кто пустит к себе в дом богомольцев. Со специально подготовленными дубинками кинулись капитан милиции Белик со своими подручными бить христиан: полностью изуродовал лицо Богдановской Евдокии Ивановны из г. Комунарска, Луганской области, разбил ей нос, все лицо, повыбивал зубы, она без сознания доползла до лавры, а там ее отвезли в больницу, неизвестно выжила ли она? Побил также Болошинскую Екатерину Иосифовну из г. Львова (ул. Панфилова, д. 8), Семенову Ирину Анисимовну, Воробьеву Марию Ивановну и ряд других. Христианам, приезжающим из других городов помолиться в Почаев, негде остановиться переночевать, по городу всегда патрулирует милиция и дружинники, и если к кому-нибудь зашел посторонний человек, сразу забирают в милицию, на хозяина составляют акт, штрафуют и применяют всевозможные репрессии, вплоть до выселения из Почаева. В гостиницу христиан не пускают, а в лавре гостиницу отобрали, даже запрещали пускать в храм, поэтому-то христиане вынуждены ютиться на паперти под храмом. Но здесь их постигает участь, уже описанная нами: приходят милиционеры, обыскивают богомольцев, бьют, отнимают деньги и ценности, насилюют и т. д. Однажды церковник почаевской лавры иеродиакон Агафон пытался удержать от издевательства, думал облегчить положение христиан. Во время такого дебоша он вышел из храма и начал заступаться, но тут же на него накинулся дружинник с ножом, и, благодаря только тому, что Агафон пригнулся, удар

пришелся не в голову, а скользнул по плечу, а Агафон спасся бегством.

И так до сего времени монахи Почаевской лавры страдают и нет никакой надежды получить восстановление нарушенных прав. Иеромонах Амвросий (Довгань) и Сергей (Соломко) снова обращались в совет по делам церкви при СМ СССР, оттуда — в Министерство охраны общественного порядка УССР; между прочим, в Министерстве обещали выдать документы, но когда приехали в Почаев, то их сразу же забрали, отобрали еще подписку о выезде из Почаева, а о документах и речи нет. Потом Амвросия Довганя арестовали и 18 января 1966 г. осудили на два года тюремного заключения, статья прежняя — «нарушение паспортного режима». Сергей уклонился от ареста и продолжает жить скрыто, но как обнаружат — такая же участь ожидает и его. То же ожидает и других монахов, живущих скрыто. Отсюда исходит, что они уже обречены на вечное тюремное заключение или такую же постепенную смерть. Мы уже во все советские организации обращались, чтобы восстановили наши нарушенные права, вплоть до XXIII съезда КПСС, и никаких положительных результатов не имеем.

БИБЛИОГРАФИЯ

Sola Fide — только верою (греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь) — Лев Шестов. 1966 г. (296 стр.) — 28 фр. Издание YMCA-Press, 11, rue de la Montagne-Sainte-Genève - Paris-5^e

Эта книга великого мыслителя, одного из самых блестящих представителей русского Ренессанса и религиозной метафизики нового времени, могла бы быть названа «концентратом» всего лучшего, что есть в творениях этого мыслителя, если бы не характерная его особенность, которую можно определить как «**моноидеизм**», то есть преимущественное господство одной единственной идеи, в качестве «лейтмотива» проходящей через все дивные философско-метафизические симфонии этого автора. Однако, богатство сопровождающих эту «моноидею» других побочных идей, и богатство литературного ее выражения и «подачи» — все это исключает какое бы то ни было однообразие. Правда, и сама моноидея, всегда полна живого интереса, всегда возбуждает мысли читателя, даже религиозно нейтрального. Мне приходилось встречаться с людьми, в которых чтение произведений Л. И. Шестова пробуждали и развивали дотоле дремавшие духовные потребности. Л. И. Шестов принадлежит к числу тех немногих мыслителей нового времени, на которых почил дух Паскаля. У него есть три небольших, но чрезвычай-

чайно острых и глубоких творений, которые поэтому можно наименовать “ключами” к творчеству этого мыслителя. Сюда прежде всего относятся “Гецсиманская ночь”, посвященная непосредственно религиозной трагедии Паскаля, “Скованный Парменид”, трактующий с удивительной силой и ясностью силу веры, снимающую с человека оковы, которыми он был скован прельщением науки и философии; наконец, книга афоризмов и статей под общим и характерным названием **Potestas clavium** (“Власть ключей”). Разбираемая здесь книга “**Sola Fide — Только верою**” может быть признана в известном смысле увенчанием всего творческого богатства этого удивительного писателя. В этом смысле творения Л. И. Шестова цельны и действительно вполне сравнимы с “Мыслями” Паскаля. Так же, как и Паскаль со всеми немногими истинно верующими, Л. И. Шестов всем своим существом жаждет источника подлинной силы и мощи, а не пустых слов какими бы глубокими или какими бы красивыми они ни казались. И знания он хочет, конечно, не немощного, которое ничего не может, но знания “переставляющего горы”, знания, которое прежде всего парализует, а затем и вовсе уничтожает убийственную демоническую власть **слепой необходимости, судьбы, которая не слышит убеждений**”. Л. И. Шестову нужны слова со властью, нужна мысль со всемогуществом, с “сердцем” и с “разумом”. Ему нужно такое всемогущество, которому ведомы и жалость и гнев, которое смеется, которое плачет, которое ненавидит, а не только познает. Для него неприемлем Спиноза “убивший Бога”, во всяком случае, убивший Бога в своем уме, а сердца философу иметь не полагается. Ведь Спиноза провозгласил девиз философов не признающих Бога: “не смеяться, не плакать, не ненавидеть, но только познавать”. Для него такое знание только сущем (эссенциальное знание), но не знание о существующем (экзистенциальное знание) — есть знание лишенное соли, или, лучше, есть соль, потерявшая силу и выбрасываемая на поприще людям”. Для творца книги об “Афинах и Иерусалиме”, книги “На весах Иова”, знакомы по личному опыту вопли и терзания человека, у которого отнято все то, ради чего стоит существовать.

Для него мало значат эти характерные представители науки, профессорской равно как и стоической философии, да и вообще неверующей философии. “Жало смерти не щадит никого: нужно овладеть им, чтобы напав на него против самой судьбы” (В. И.). И когда судьба будет свалена, вместе с ней упадут и те истины, которые ею держались и ей служили. По ту сторону разума и познания, там, где кончается принуждение, “скованный Парменид”, причастившись тайне вечно сущего, обретет вновь изначальную свободу и заговорит не как нудимый истиной, а как власть имеющий. Это первозданное ничем не ограниченное соизволение, не вмещающееся ни в какое “знание”, есть тот единственный источник, из которого можно зачерпнуть метафизическую истину. Такими истинно царственными глаголами заканчивает Л. И. Шестов своего “Скованного Парменида” (стр. 85-86). Есть только еще один философ — тоже русский, — говорящий с такой же силой и пожалуй еще сильнее. Это Н. Ф. Федоров.

Та великая сила, которой дано не только так говорить, но и так делать, есть, конечно, **сила Бога живаго** и тех кого Он захочет, кого Он соизволит ею наградить. Здесь начинается тайна этой великой

силы, “переставляющей горы” и “воскрешающей мертвых”. Сила эта **вера и только вера**. В зависимости от ее наличия или от ее отсутствия, человек спасается или осуждается (Марк. 16, 16).

Вот почему следует считать книгу Л. И. Шестова **Sola Fide** — “Только верою” увенчание всего творчества этого необыкновенного мыслителя. Книга эта, однако, — глубоко трагическая. В ней “на карту поставлены” основные проблемы смысла истории человечества, как Образа Божия, на примерах таких показательных и кардинальных ценностей, как греческая и средневековая философия, Лютер и Церковь.

Книга Л. И. Шестова “Только верою”, формально говоря — экзегетическая и герменевтическая. Лютер написал перевод и толкование на одно из труднейших мест Св. Писания, именно на послание к Римлянам (3, 28): “Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою независимо от дел закона”. Перевод Лютера есть одновременно и экзегеза и герменевтика, выводное толкование, ибо он прибавил слово **только** “только верою”. В критических ученых изданиях, напр. Эбергардта Нестле, эта экзегетически-герменевтическая прибавка “только” удержана. Надо признать, что она соответствует всему духу послания, — так во всяком случае полагают Лютер и Шестов. В сущности вся книга Л. И. Шестова есть комментарий на это подчеркнутое **“только верою”** (по латыни **Sola Fide**, хотя в греческом подлиннике этого “только” не имеется). По своей чрезвычайной трудности как для экзегета, так и для герменевта, это может быть сравнено только с знаменитым текстом послания к Филиппийцам (2, 6-8), где идет речь о “кенозисе” (уничтожении) Господа Иисуса Христа. По поводу этого места знаменитый академик Н. Н. Глубоковский свидетельствует: “не легко подобрать другой пример, где разногласие экзегетов и догматистов достигало бы такой остроты для принципиального понимания всей христианской теологии” (Н. Н. Глубоковский, “Благовестие св. ап. Павла”, книга вторая, СПб, 1910, стр. 281). Такое второе место найдено Лютером и Шестовым — оно есть текст об оправдании верою (Рим. 3, 28). **На этом собственно тексте и произошло радикальное расхождение между Лютером и Католической Церковью, превратившее Реформацию в настоящую церковную революцию и сделавшее Лютера непримиримым противником Папства и Католичества.**

Вся книга Л. И. Шестова есть широко развернутый комментарий, посвященный этому событию и где автор «**Sola Fide**» во всеоружии своей эрудиции оправдывает богословско-метафизическую установку Лютера, равно как его грандиозное дело, на долгие столетия увековечившее эту трещину между двумя ветвями скриптуральной экзегезы. Это и не удивительно. Ведь здесь шла речь, да и теперь идет речь — быть ли с Афинами и со средневековой философией в союзе против св. ап. Павла, создателя исторического христианства, т. е. быть ли против Иерусалима — или быть в союзе с св. ап. Павлом и пребывать в Иерусалиме против Афин и средневековой философии. Ведь не надо забывать, что, согласно точке зрения Л. И. Шестова, вся средневековая философия со св. Фомой Аквинатом во главе, и за очень малыми исключениями (вроде Петра Ламиани в X в.), отступила от духа св. Писания, чтобы пойти на поводу у эллина Аристотеля, окончательно отпавшего от Бога (в его библейском понимании). Л. И. Шестов и Платона в Тимее и Федоне считает лишь

наполовину признающим Бога, — что же сказать об Аристотеле, со всею резкостью отмежевавшегося от своего гениального учителя, которому он не мог простить его трансцендентного мира, его мистики. Впрочем, по поводу Платона у Л. И. Шестова заметны колебания. Правда, подобно тому, как среди средневековых отступников от библейского Бога, “Бога Авраама, Бога Исаака, Бога Иакова, не философов и ученых”, говоря языком Паскаля, он усмотрел себе агнца Петра Дамиани (не говоря уже о некоторых подвижниках святых как св. Терезы из Авилы, св. Иоанна Креста и др.), так и среди эллинских так сказать “ветхозаветников” философии он усмотрел себе тоже агнца, находящегося со всей своей братией в резком противоречии с общим духом древнегреческой философии. Этот агнец — глава цинической школы, знаменитый Антисфен с братией, куда включился и скандально знаменитый Диоген Синопский, прозванный еще в древности “сошедшим с ума Сократом”... сошедшим с того самого ума, который через вкушение пагубного древа, совратил человека и вместо познания добра и зла завлек его в “ров погибельный”, в смертную бездну. Книга Л. И. Шестова, начинается с прославления Антисфена и Диогена Синопского. И это вполне в согласии с духом уже упомянутой, книги “Скованный Парменид”...

Л. И. Шестов готовится к своей философии веры, уводя от несвободы, скованности, от принуждения и повиновения к свободному повелению, к тому, чтобы “все свершалось по моему желанию” и чтобы “я говорил как власть имеющий” и действительно был свободным и повелевающим Сыном Божиим, а не рабом у слепой судьбы. По этому случаю (“Скованный Парменид”, стр. 44) Л. И. Шестов вспоминает Евангельскую истину о том, что “Царство Божие берется силой”. Обе книги — “Скованный Парменид” и **Sola Fide** — “Только верою” — в сущности есть учение и повествование о том, какою мощью обладает подлинная вера.

Скажут: это значит бороться с самоочевидностью. Но Платон всю свою жизнь только и делал, что боролся с самоочевидностью. Чтобы одолеть ее, он пошел к тем отдаленным окраинам бытия, куда никто не ходит, где по общему убеждению никакой жизни нет, и быть не может, где вообще ничего нет, где владычествует смерть. Это тоже, конечно, величайшее дерзновение, последнее бесстыдство, на которое способен человек (там же, стр. 44). Выше Л. И. Шестов вспоминает острое изречение Платона: “если на все дерзать, не попытаться ли нам быть бесстыдными”. Конечно, так можно выразиться только перед лицом последнего отчаяния, когда терять больше нечего, когда человек вступает на путь “пограничных экзистенциальных состояний” (согласно Карлу Ясперсу), когда вступают в полную силу знаменитые пророческие слова Плотина, столь излюбленные Л. И. Шестовым, именно потому, что они приводят человека к вратам всемогущей веры: “великая и последняя борьба ожидает человеческие души”...

На путь этой борьбы и вступил Лютер, когда сердце и сердечный разум подсказали ему, что без веры никакие дела (то есть, в конечном счете “дела закона”) не помогут, уже только по той причине, что человек постоянно нарушает закон и по своей греховной немощи не может его не нарушать — и поэтому умирает. Но, “может быть за

ужасами и трудностями смерти кроется что либо, что нам нужнее, чем легкость и приятность обыденной жизни? Терять уже нечего: к судьбе-необходимости ходили, ее выспрашивали и упрасивали, она не сдвинулась и не сдвинется со своего места. А если сдружиться со смертью, если пройти сквозь игольное ушко последнего, страшного одиночества..., “надо, собрав все свое мужество, пойти навстречу смерти и у нее попытаться счастья” (стр. 45 там же). И первым долгом расстаться с обычным типом мышления с его ничего, кроме жалких повторений не дающего “закона тождества” и его вариантов. “Обычное мышление”, мышление человека “повинующегося” и отступающего перед угрозами, нам не даст ничего. Первый шаг: приучить себя не считаться с “достаточным основанием”.

Смерть он принял и со смертью сдружился. Ведь умирание и смерть в корне подрывает власть необходимости, судьбы и всех тех самоочевидных истин, которые этой необходимостью, судьбой держатся. Душа начинает чувствовать, что ей дано не покорствоваться и повиноваться, а водительствовать и повелевать (Федон 64 А, цит. там же, стр. 46), и, в борьбе за это свое право, она не побоялась перелететь за ту роковую черту, где кончаются все ясности и отчетливости и где обитает Вечная Тайна.

Сила Божия в немощи совершается и мертвые, согласно медитациям Л. И. Шестова, не только “срама не имут”, но если они умерли в Боге — блаженны, сильны до всемогущества и наделены знанием “лицом к лицу”. Перед лицом Божиим все радикально меняется, особенно для прошедших через врата смертные путем Креста Господня. “Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия. В разных местах своих посланий ап. Павел возвращается все к этой же истине, напоминая, что обычные пути человеческого познания обязательно погибнут и запустеют перед триединым путем **Веры, Надежды и Любви**, открываемым **Верою**: “Ибо написано: “погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну” (Исайя 29,) И подобно тому, как в I Кор. 13 св. ап. Павел поет вдохновенный гимн любви, так он в Евр. 10, 38-39 и 11, 1-40, а также Евр. 12, 1-29; Евр. 11, 1. дает знаменитое определение всры, как **“осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом”**.

Озираясь на духовный путь, пройденный человечеством к XIII-му в., когда св. ап. Павел и с ним Слово Божие оказались по его мнению — (не далекому от истины) — вытесненными из умов и, что гораздо хуже, из сердец человеческих, и, притом не Платоном, но Аристотелем, — Лев Шестов имел полное право ударить в набат.

Повторяем, все творчество Л. И. Шестова является таким набатом, но особенно книга **Sola Fide** и вводящий в эту книгу гениальнейший очерк “Скованный Парменид”.

Вл. Н. Ильин

СЪЕЗД РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(13 - 14 - 15 мая 1967 г.)

Съезды Р. С. Х. Д. давно уже стали событием в культурной жизни русского Парижа. Да и не одного только Парижа, ибо на них обычно присутствует православная молодежь как из французской провинции, так и из соседних с Францией стран. Интерес к ним заметно повышается из года в год, причем они начинают привлекать и многочисленных представителей разных культурных слоев Парижа. Этому не надо удивляться. В настоящее время Р. С. Х. Д. является, пожалуй, одной из немногих в эмиграции организаций, остающейся верной лучшим традициям русского

Общая группа участников съезда

прошлого, стремящейся осмыслить происходящие идеологические процессы в России и в мире в свете Православия. В этом отношении, издающийся на русском языке печатный орган — «Вестник Р. С. Х. Д.», несмотря на свой более чем скромный формат, занимает по широте затрагиваемых им тем и глубине их трактовки, совершенно особое положение среди изданий русского зарубежья. Параллельный ему, выходящий по-французски *Messenger Orthodoxe*», сосредотачивает свое внимание, главным образом на различных аспектах проблем, встающих перед Православием в его вселенском масштабе.

Весенний съезд Р. С. Х. Д. этого года, происходивший как обычно, в деревенской атмосфере старинной французской усадьбы в Бьевр, в 20 клм от Парижа и продолжался три дня и собрал

значительное количество участников. На Съезде перебивало 295 человек.

Первый день его был отмечен докладом одного из самых выдающихся представителей православных французов, проф. Olivier Clément. Его доклад был посвящен православной экклезиологии. Докладчик отметил основные черты православного представления о Церкви, уделив особое внимание месту, которое отводится в ее жизни «церковному народу». Этот последний является действительным хранителем Истины в Церкви, поскольку церковному сознанию в его совокупности принадлежит решающее значение в принятии или непринятии постановлений, вводимых не только высшей церковной властью, но и соборными постановлениями (послание Восточных Патриархов в ответ на энциклику Папы Пия IX в 1848 г.). Народ же играет активную роль и в церковной литургической жизни. Это обстоятельство дало повод проф. О. Clément остановиться на различии литургических концепций Католичества и Православия. Для православных воззрений на литургию характерно значение, придаваемое молитве присутствующих в храме верующих в момент призывания священником Св. Духа, пресуществляющего Св. Дары, тогда как католическая точка зрения приписывает исключительную силу словам, произносимым священнослужителем, совершающим таинство Евхаристии.

Утреннее заседание второго дня было посвящено дебатам молодежи, под общим заглавием «Церковь, как ее представляют себе молодые миряне». Со словами выступили Сергей Морозов, Михаил Соллогуб и Николай Бэр. Все три молодые докладчика поразили слушателей своим глубоким отношением к жизни Православной Церкви. Чувствовалось, что для них Церковь является главной жизненной реальностью, где они черпают смысл и духовные силы для своей жизни. Сергей Морозов, говорил о животворящей силе Св. Духа в Церкви, о том, что духовная жизнь христианина есть приобщение к жизнеподательной силе Св. Духа. Михаил Соллогуб с большим вдохновением говорил о громадных богатствах Православной Церкви и глубоко сожалел, что обладая этими богатствами, мы православные, к сожалению ими не питаемся.

Как литургическое, так и богословское наследие Православной Церкви должно стать, по словам М. Соллогуба, определяющей и движущей силой жизни для каждого православного. Николай Бэр указал, что часто молодежь не понимает в Церкви иерархии и даже становится по отношению к ней в некоторую оп-

позицию. Имеет ли право молодежь так действовать? Он настаивал, чтобы каждый молодой член Церкви имел бы своего духовного отца и строил бы свою жизнь под его руководством и активно принимал бы участие в жизни своего прихода. Молодежь должна прежде всего включаться в повседневную жизнь своего прихода, что предполагает не оппозицию к иерархии, а послушание и сотрудничество с ней.

Центральным пунктом съезда было выступление прот. Александра Шмемана на дневном заседании 14-го мая. Прибывший специально из Америки для того, чтобы выступить на съезде, где сообщение его ожидается всегда с чрезвычайным интересом, о. Александр Шмеман собрал особенно большое количество слушателей. В переполненном до отказа зале он прочитал исключительно блестящий, можно сказать пророческий доклад, на тему: «Авторитет и свобода в Церкви». Внимание современного церковного сознания, сказал он, сосредоточивается главным образом на сакраментальной стороне жизни Церкви, что нередко ведет к утрате живого чувства присутствия в ней Св. Духа. Преувеличенное представление о величии сана часто мешает слышать голоса, возвещающие Истину. Происходящий отсюда некоторый застой церковной жизни, может изживаться лишь на путях свободы, но свободы в Духе Святом, исключающей своеволие и анархию. Лишь любовь и внимание друг к другу могут преодолеть церковные разногласия и привести к осуществлению начал подлинной соборности в Церкви.

Утренние доклады третьего дня съезда были посвящены «Письмам двух священников Московской епархии, о. Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана, обращенные к правящим епископам Русской Православной Церкви и гражданским властям». В своем ярком вступительном слове М. Н. Энден назвал письма двух священников звоном набатного колокола, будящим церковное сознание, зовущим из мрака лжи к свету Правды. Он считает, что событие это выходит из границ чисто русских масштабов. М. Н. Энден документально показал, чем пытается сов. власть заменить утраченные понятия христианской нравственности. Желая дать живые примеры олицетворения добра, сов. власть создает миф о добром Ленине, окружаемым настоящим ореолом святости, тогда как близко его знавшие люди говорят совсем обратное, что «Ленин бешено ненавидел своих противников... был обуравем припадками злобы, доводивших его до упадка сил и бессонницы». Ложь окутала всю Россию и вот во мраке 50-летней

лжи прозвучали мужественные два голоса священников о поправной Правде. Власть продолжает душить Православную Церковь, но теперь она любит это делать тайком, втихомолку, под завесой лжи. Молчать — значит играть ей в руку. Возможно широкое разоблачение ее лживых действий является самым действенным методом борьбы за свободу духа в России. На этот-то путь и встали два священника и в этом историческое значение этих писем как для России, так и для всего христианского мира. О. Илья Мелиа, касаясь этой же темы, указал, что заслуга двух священников заключается, именно, в их свидетельстве, которое восстанавливает подлинный лик пастырства, зовущее разорвать греховные узы трусливого молчания и возвещающие подлинную свободу от греховного подчинения атеистической, безбожной государственной власти. Н. В. Лосский в своем слове старался объяснить всю сложность существующего положения Русской Православной Церкви в Сов. России.

Участники съезда в парке Бьевра

Последний доклад, прочитанный Н. А. Струве был посвящен теме: «Церковь и Мир». Подчеркнув значение этой темы в наши дни как на Западе, так и в России, докладчик предпочел строго придерживаться евангельского богословия о мире, которое насквозь антиномично. Мир благ, т. к. создан Богом, который отдал Единородного Своего Сына ради мира. Но тем не менее падший мир не принимает искупление и богоборствует. Наше же отношение к миру должно быть так же насквозь антиномично: лю-

бовь к миру предполагает и отказ от него. Затем докладчик консулся трех сфер, по отношению к которым направлена активность христиан: семья может быть целиком оцерковлена, культура — поле битвы между Богом и миром, а государство, порожденное грехопадением не подлежит спасению, а лишь частичному просветлению. Нашу любовь к миру мы должны просветить «древом крестным» — таково было заключение докладчика.

Все участники съезда с большим сожалением покидали Биевр, где имели они возможность приобщиться к живому и творческому опыту церковных работников, отдавших все свои дарования на алтарь служения Богу и Церкви. Явно все ощутили, что горение и вера одних укрепляла других и что именно здесь переживалась радость общения, радость прикосновения к соборной природе Церкви.

М. Н.

МИССИОНЕРСКАЯ ПОЕЗДКА В ЛИОН

(29 января 1967 г.)

Миссионерская поездка состоялась в воскресенье 29-го января 1967 г. Было прочитано два доклада: "Православная Церковь и II-й Ватиканский собор", прот. Александра Ребиндера и "Борьба за свободу духа в современном СССР" К. А. Ельчанинова.

Докладчики прибыли в Лион в субботу, а в воскресенье в церкви Покрова Пресвятой Богородицы божественная литургия была отслужена соборно о. Александром и настоятелем о. Иоанном Постовым.

Собрание имело место в церкви в 4 часа дня. На нем присутствовало около 60 человек, что превзошло все ожидания лионских устроителей.

Среди собравшихся было много членов св. Николаевского прихода (Зарубежной церкви) во главе с его настоятелем, архимандритом Серафимом, занявшим место, рядом с о. Иоанном и докладчиками, за председательским столом.

Особенно живым и интересным был, прочитанный первым, доклад о борьбе за свободу духа. К. А. Ельчанинов говорил, отчасти на основании личных встреч во время пребывания в России, и о предмете особо его с тех пор интересующем, приводя цитаты из советских поэтов, рассказывая случаи с ним бывшие.

Второй докладчик рассказал сначала о различии в понимании вселенского собора между Древней Церковью и современным православием с одной стороны и средневековой римской Церковью с другой стороны. После догмата о папской непогрешимости казалось, что вселенских соборов в римской Церкви больше не может быть. И вдруг чудо папы Иоанна XXIII, изменившее всю духовную атмосферу. Затем о. Александр указал на остающееся все еще различие между Церквями в понимании многих вопросов и в заключение призвал православных к сугубой осторожности, чтобы не помешать продолжающемуся "чуду объединения Церкви" и вместе ничего не растерять из вверенного нам сокровища — Святой Православной Веры.

Прот. А. Ребиндер

ПОЕЗДКА МИССИОНЕРСКОЙ ГРУППЫ В ГРЕНОБЛЬ

(18 - 19 марта 1967 г.)

Город на берегу Изера, окруженный заснеженными в эту пору года горами.

В связи с намеченными олимпийскими играми на зимний сезон 1968 года, Гренобль перестраивается и спешно готовится к приему многочисленных посетителей со всех концов земли.

В этом городе с начала эмиграции возникла значительная русская колония. Русские беженцы, переселившиеся из различных стран Западной и Южной Европы, нашли в Гренобле сравнительно удачные условия для применения своего труда, как и возможности обучения своих детей на месте. Будучи крупным индустриальным центром, Гренобль известен своим первоклассным Университетом и высшими техническими учебными заведениями.

По счастливой случайности в городе и его окрестностях обосновалось много семейных русских беженцев. Позже, кончившие образование дети эмигрантов на родных местах обзавелись своими семьями, не потеряв при этом наследственной русскости и интереса к ее традициям.

Русская церковь в Гренобле явилась сосредоточием религиозной и культурной жизни колонии. Переживая и трудности и сложности своей судьбы, она продолжает жить жизнью незаурядной и верить в свое будущее. Это последнее подтвердилось в день нашего близкого и открытого знакомства с самыми молодыми представителями прихода.

На первой неделе Великого Поста 18 - 19 марта парижская миссионерская группа в составе Н. А. Струве, Н. Бэр, С. Ребиндер, И. Померанцевой и Н. Воронцовой посетила Гренобль. На редкость многочисленные церковные службы Воскресенья Торжества Православия и участие в Евхаристии большинства молящихся свидетельствовали о приходящем здоровье.

Еще вчера равнодушная к церковному обряду молодежь Гренобля возродила и поставила на ноги способный и дружный хор, объединивший более 25-ти человек.

Летом прошлого года, после болезни и ухода на покой о. Михаила Фирсовского, все казалось печальным и безнадежным. Необъяснимыми судьбами распался прежний хор. И петь и читать, и прислуживать одновременно приходилось порой одному К. Г. Тищенко — человеку всецело отдавшему себя Церкви.

Но уже осенью среди редких молящихся еще более редких церковных служб обнаружился М. М. Гортынский. К этому времени Греноблем занялись нищикие священнослужители и их первой заботой было возрождение красоты богослужений; что и было достигнуто стараниями М. М. Гортынского, как регента и организатора. Молодежь дружно поддерживала усердие Михаила Михайловича, и от службы до службы, благодаря регулярным спевкам, рос и совершенствовался хор. Росла и посещаемость храма молящихся.

После Божественной Литургии 19-го марта, отдельно собравшиеся молодые прихожане, прослушав доклад Николая Бэр "о традиции и

соборности", по-деловому и вдумчиво рассказывали свои мысли об их отношении к Церкви. Приехавшие парижане были приятно удивлены как числом собравшихся молодых людей (больше 30 человек), так и тем, что, вопреки торжествующему мнению среди молодежи Парижа о необходимости перехода на французский язык в богослужениях, молодежь Гренобля дорожит богослужебным языком своих отцов и считает, что легче понять славянский язык, чем возместить красоту служб, теряющуюся при переводе песнопений на разговорную французскую речь. Для чтения же Евангелия и проповеди французский язык был бы желательным.

Второе, что было отраднo слышать, это сознание ответственности у подросткового поколения за будущее Православной Церкви и желание углубиться в содержание веры с тем, чтобы явиться достойными восприемниками большого духовного богатства Православия: "Мы чувствуем свою ответственность за нашу Церковь, потому что кроме нас никого это не будет беспокоить, когда не будет старшего поколения".

В тот же день, но уже взрослые (около 20-ти человек) слушали доклад о. Иоанна: "о месте и роли верующего человека в жизни мира", и "о праздниках церковного календаря" и доклад Н. А. Струве "о посте". Хотя и редкие, но квалифицированные чтения докладов вероучительного содержания должны явиться подспорьем родителям, заботящимся о религиозном воспитании своих детей. Сокращающиеся кадры священнослужителей не в силах вести повсюду регулярную работу с подростками, а знания родителей о вере во многих случаях недостаточны. Помощь родителям религиозными знаниями и передача через них этих знаний детям — одна из возможностей восполнения недостатка работы с детьми на многих приходах. На этом и кончился этот необычный день в Гренобле.

Но вопрос о священнике и последующих службах продолжает быть своего рода "камнем преткновения" для приходского совета и прихожан Гренобля. Ницца прилагает все силы, чтобы были регулярные месячные службы. Трудности возникают с большими Праздниками.

Уезжая из Гренобля, мы уносили с собой, несмотря на все, отрадное чувство: чувство веры в будущее и в плодотворность божественной нивы.

Свящ. И. Янкин

LES ÉDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, Paris (5e)

поступили в продажу:	Фр.
Булгаков Михаил — Мастер и Маргарита	14,—
Из Глубины — Сборник статей о русской революции (Аскольдов, Бердяев, С. Булгаков, П. Б. Струве, Франк) . . .	30,—
Архим. Киприан (Керн) — Золотой век святоотеческ. письменности	28,—
Грани — Журнал литературы, искусства, науки и обществ. мысли. № 64, июль (материалы из России, журнал "Феникс". Отд. номер	8,75
Новый Журнал — Литературно-общественный журнал . . .	8,—

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения
XXXII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

- Во Франции:** Подписную плату просим вносить только на почтовый счет Р.С.Х.Д.: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. С.С.Р. 2441-04.
Подписная плата на год: 15 фр., с целью поддержки: 20 фр.; 50 фр.
- в Америке:** Mrs. Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.
- San Francisco** Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Francisco, Calif., 94122, U.S.A.
Подписная плата на год: 3,5 долл., с целью поддержки — 5 долларов; 10 долларов.
- в Англии:** Подписная плата на год: 1,50 англ. фунт.
- в Бельгии:** Mr. Pierre Rosniansky, 19, rue du Cornet, Bruxelles 4, Belgique.
Подписная плата на год: 150 бельг. фр., с целью поддержки — 200 бельг. фр.
- в Германии:** Herr A. Beerwald, 7901 Dornstadt bei Ulm. Altenheim. Deutschland.
Подписная плата на год: 11 гер. м., с целью поддержки: 15 гер. м.
- в Канаде:** Miss E. Troubetzkoy, 4500 Western Ave. Westmount. P. Que. Canada.
Подписная плата на год: 3,50 долл., с целью поддержки — 5 долларов; 10 долларов.
- в Швеции:** Prost S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19, Suède.
Подписная плата на год: 17 швед. крон, с целью поддержки — 25 швед. крон.

Tous droits de traduction réservés. Directeur responsable P. A. Struve.

Выходит четыре раза в год.

Подписная плата на год: 15 Фр.
Цена отдельного номера: 3 фр. 75
С целью поддержки: 20 фр.; 50 фр.

Quatre numéros par an.

Abonnement annuel : 15 frs
Prix du numéro : 3 frs 75

